

ПРАВЛЕНИЕ ПЯТИГОРСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВА "ЗНАНИЕ"

ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЯЗЫКА

(материалы межвузовской конференции)

1183011

Пятигорск 1989

Материалы межвузовской конференции "Социальная стратификация языка" - Цытигорск, 1969. - 79 с.

Материалы содержит краткое изложение докладов, посвященных актуальным проблемам социальной лингвистики.

Сборник имеет теоретическое и практическое значение.

Редакционная коллегия:

Проф. В.А.Хомяков (отв. редактор), проф. Э.А.Дубовский,
проф. С.В.Воронин, Л.И.Марчук (отв.секретарь)

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ

Социологически ориентированный подход к анализу речевых единиц основывается прежде всего на двух основных положениях.

1. Все обобщения в отношении языка и его функционирования могут быть соотносены со степенью корреляции лингвистической единицы и понятия. Любое высказывание предполагает вычленение определенного набора идентифицирующих значений и пренебрежение другими, не являющимися в принятую модель коммуникации. И, соответственно, более абстрактное высказывание даст наименьший набор семантических составляющих. В то же самое время, наличие сознательного фактора позволяет вычленять те черты, которые являются релевантно-конституирующими для данного момента, и исключать другие до уровня случайных.

2. Второе положение следует из первого. Нет одного единственного подхода к описанию лингвистических явлений, который был бы истинным. В каждом случае возможно выдвигание одних черт, которые в другом контексте не являются существенными.

В соответствии с этим, социологически ориентированное исследование языка отличается от традиционных методов описания языковой системы. В последних ведущим является стремление создать четкую, стройную систему, характеризуемую неким униформизмом и изоморфизмом. В то время как социолингвистический метод основывается на вариативности языка и пытается ее объяснить. Он снимает не только определенную стандартизацию языковых явлений, но и уничтожает эффект деконтекстуализации, неизбежный при системном анализе. Поэтому, для получения адекватной интерпретации или порождения высказываний неизбежно обращение к прагматико-контекстуальному компоненту. В свою очередь функциональное значение отражает реляционную информацию, заключенную в понятии. Оно является определяющим, и от него идет цепочка других идентифицирующих значений. Какое из этих значений окажется в фокусе информационной структуры, зависит от контекста коммуникации, а также от уровня анализа. В то же самое время, функционально-семантическая методика позволяет опреде-

лить иерархия семантических структур и отношений при формировании и развитии самого понятия. Таким образом, мы приходим к утверждению, что существует зависимость между тем, как мы даем и тем, как мы используем язык. Но в то же время, сама лексическая и грамматическая структура языка не только отражает значимые черты окружающей среды, но и предопределяет понимание ее носителями языка строго определенным образом.

Н.В. Аствацатурьянц, Ю.А. Дубовский /Пятигорск/
А.В. Кучер /Симферополь/

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗНОУРОВНЕВЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА В АНГЛИЙСКИХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВАХ

1. В немаркированном процессе коммуникации все языковые и неязыковые средства (мимика, жесты) находятся в стилистической гармонии. В результате действия закона экономии и возможностей взаимокompенсации одни из них более активны, экспликация других компрессирована, третьих - нейтрализована. Не отрицая эту лингвистическую аксиому, ученые, тем не менее, в своих исследованиях, ограничивались анализом, как правило, одного уровня, что не выявляло полной картины языковой сущности речевого акта.

2. нас интересует механизм взаимодействия, с одной стороны, составляющих коммуникативных комплексов, с другой - средств их выражения в аспекте их взаимодействия, характер и степень активности социальных и ситуативных факторов при формировании разноуровневых структур.

3. В данном сообщении рассматриваются английские диалогические единства, завершающие коммуникацию, в частности диалогические единства прощания (DEI).

3.1. Завершение контакта осуществляется как конвенциональным, так и окказиональным репликами прощания, составляющими ядро и периферию прагматического поля прощания.

К конвенциональным репликам DEI относится чисто функциональные рекуррентные формулы типа Good-bye. Их лексико-синтаксическая структура, независимо от интонации - своего рода абсолютный маркер DEI.

Окказиональные реплики ДЭП выполняют коммуникативную задачу завершения контакта лишь в определенных условиях. Их лексико-синтаксические и просодические структуры должны дополняться ситуативным контекстом. При этом важно подчеркнуть, что набор этих структур ограничен. Нельзя, например, употребить высоковосходящий тон во фразе типа Drop in for a day or two для реализации прощания (ср. также изменение целеустановки в русском "Ну, давай - Пока" при упреждении ровного терминального тона вместо любого другого).

3.2. Социальный статус коммуникантов и их ролевые отношения тесно детерминируют выбор языковых средств в ДЭП. Наиболее нагруженными являются лексика и интонация.

3.3. В коммуникативно симметричных ДЭП (равные статус и прочие факторы) выбор языковых средств обусловлен также эстетической функцией общения, проявляющейся, в частности, в нарушении интонационного монотона и контрастном сопоставлении просодических структур реплик ДЭП.

3.4. При сравнении непринужденных и официально-деловых ДЭП наименее слабая корреляция однотипных характеристик отмечается в непринужденных ДЭП.

Б.Н.Бражников /Пятигорск/

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКОГО ИНТЕРКАРГОНА ТИНЕЙДЖЕРОВ

1. Изучение молодежной языковой культуры входит в глобальную проблему взаимоотношения языка и общества. Научная литература по вопросам молодежной языковой культуры и "детского языка" показывает, что в основном анализировались механизмы биологического, физиологического, психологического и социального овладения языком. Однако исследования, которые бы рассматривали структуру молодежных гаргонов в социолингвистическом аспекте, в отечественной англистике не проводились.

2. Предметом изучения является довольно устойчивый интеркаргон, выделенный нами в ходе социолингвистического эксперимента с носителями языка различных регионов Великобритании в возрасте от 14 до 20 лет.

Под интержаргоном понимается открытая речевая система, для которой характерно наличие центрального лексического ядра и периферии, формирующихся на стыке стилистически сниженной и социально-детерминированной нестандартной лексики и фразеологии т.е. на границе экспрессивного и социально-профессионального просторечий (по концепции В.А.Хомякова).

3. Предварительные результаты исследования показывают, что несмотря на возрастные, половые, социальные и территориальные различия информантов жаргонизмы в их речи совпадают на 80-85% от общего числа изначальных стандартных слов и выражений, заложенных в вопросник. Это свидетельствует о наличии в современном жаргоне тинейджеров четко выраженного субстандартного ядра, в которое входят "низкие" коллоквиализмы, вульгаризмы и корпоративные жаргонизмы.

4. В сообщении раскрываются возможные причины функционирования молодежного интержаргона с иллюстрацией в структурно-семантическом, номинативном и социокультурном аспектах. Согласно структуре молодежные жаргонизмы можно подразделить на корневые слова (50%), дериваты (20%), сложные слова (20%) и словосочетания (10%). Преобладает вторичная номинация (различные семантические сдвиги). Четко прослеживается "корпоративность" информантов, их принадлежность к единому социуму, общность интересов и относительно однородный общественный статус родителей.

5. Основным приемом исследования был избран лингвистический вопросник, который дополнялся свободным интервью, с записью на магнитофонную ленту. Методика проведения эксперимента основывалась на заинтересованном отношении его участников к исследованию, созданию доверительных отношений между коммуникантами, особое значение придавалось анонимности ответов.

По итогам проделанной работы получен положительный отзыв научного "центра по изучению национальных культурных традиций и языка" при Шеффилдском университете в Великобритании.

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТОРЕЧИЯ КАК ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА
В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ

Выделение просторечия как особой формы существования языка - достижение отечественной диалектологической школы. В английской диалектологической терминологии понятия, соответствующего русскому "просторечие", выделено не было. Причины этого - двойного свойства.

С одной стороны, это неполная терминализованность английского dialect, не до конца обособившегося от общенародного употребления, и сопутствующая этому размытость и нечеткость семантической структуры этого слова. Словом dialect обозначают практически любую форму существования английского языка. Англиоязычные диалектологи поэтому даже настаивают на том, чтобы литературный английский язык причислить к существующим в нем dialects, т.е. к формам его существования.

Другой причиной терминологической невыделенности того, что в отечественной диалектологии понимается под просторечием, является специфика проявления этой формы существования английского языка. Под просторечием понимается тот комплекс ненормативных языковых явлений, которые, в отличие от диалектных, не имеют территориальной закрепленности. Диалектные же явления ограничены определенной территорией. Так, форма для первого лица настоящего времени глагола be /т.е.

I is / есть типично диалектная форма, распространенная в северных графствах, примыкающих к границе с Шотландией. В отличие от них формы типа ain't / универсальная отрицательная форма глагола be в презенсе / или don't / в 3 лице презенса / широко распространены по стране, свободно перелазивая через многие традиционные диалектные границы; они характерны для многих - если не для всех - национальных вариантов английского языка. Все это делает эти формы соответствующими тому, что в русской терминологии называется просторечием. Однако анализ картины распространения этих и им подобных явлений по всей территории Англии

показывает, что, в отличие от русских типичных просторечных форм в роде "ложить" или "километр", английские просторечные формы, хотя и охватывают порой большую часть территории страны / речь идет о британском варианте английского /, имеют все же определенные границы распространения. Северные диалекты практически не знают ни формы *ain't*, ни формы *don't* для 3 лица. *Ain't* впервые появляется на карте Англии в восточном ЙОРКШИРЕ, *don't* в 3 лице - еще южнее: в Стаффордшире и южном Линкольншире.

Итак, важнейшей особенностью английского просторечия является неполный охват многими его формами территории страны. Второй его особенностью является динамика просторечных процессов. Существует немало фактов, говорящих о том, что большая их часть зарождается в недрах ненормативной речи жителей столицы и ее окрестностей и распространяется по территории согласно "зрелому прыжку", открытому П.Традгиллом.

Проникновение в сущность и динамику английского просторечия, редко бывавшего объектом специального исследования за пределами лексикологии, представляет собой актуальную научную проблему, решение которой может пролить свет на ряд кардинальных вопросов теории языка.

В.М.Бухаров / Горький /

ФОНЕТИЧЕСКИЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

1. Одной из важнейших характеристик любого языка является его звуковая сторона, обладающая рядом специфических особенностей, связанных с ее онтологией и местом в системе языка. Прозносительная специфика языка определяется исторически сложившимися и социально закрепленными нормами языка.

2. Фонетическая норма /как и любая языковая норма - грамматическая, лексическая и т.д./ является отражением вариационной сущности языка как в его внешней системе, так и во внутренней структуре. Л.В.Степанов. Язык. Литература. Поэтика.

М., 1988, с. 54-72/ Любой естественный язык приходит в своем развитии к этапу дифференциации на функциональные, социальные и территориальные варианты и противопоставленной им тенденции к интеграции чаще всего в рамках единого кодифицированного литературного языка /КЛЯ/. Для КЛЯ, как языкового образования претендующего на статус универсальности, должна быть характерна тенденция к синтопичности, которая в реальной лингвистической ситуации находится в неизбежном противоречии с ускорением его диастратии и степени функционально-стилистической дифференциации. Процессы конвергенции и дивергенции, протекающие в рамках КЛЯ, определяют внешний стратификационный аспект нормы и ее динамический характер.

В процессе формирования немецкой стандартной орфописической нормы / *Rechtschreibung* / она была ориентирована на ряд региональных произносительных "типов", чаще средне- и нижненемецких, что хотя и привело к довольно быстрому распространению кодифицированного варианта произношения, но и обострило в то же время взаимоотношения между региональными вариантами, особенно верхненемецким-австрийским и "внутренненемецким" в Германии / *Binnendeutsch* /. /А.И. Домашнев. В книге: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1975, с. 41 и сл. ; ВЯ, 1968, №5, с. 96 и сл./ Этот процесс нашел свое отражение в сохранении региональной специфики в произношении носителей языка, говорящих на КЛЯ, даже таких как профессиональные дикторы радио и телевидения.

3. Диастратность языка находит свое выражение в том, что и наддиалектная форма КЛЯ не обладает гомогенной структурой и в ней могут сосуществовать языковые формы низлежащих уровней стратификационной иерархии как синонимические или конкурирующие. Выбор конкурирующей формы составляет аксиологическую /Г.В. Степанов/ или оценочную сущность внешнего аспекта языковой нормы, связанного прежде всего с престижностью той или иной языковой формы, со степенью ее адекватности условиям и целям коммуникации, что позволяет говорить о существовании наряду с единой стандартной нормой немецкого

произношения вариантов нормы, соотносящихся с национальными и региональными вариантами ИЯ.

4. Решающим фактором формирования внешнего аспекта языковой нормы является состав лингвосоциума, уровень его материальной, духовной и политической культуры как путей воздействия на человека и его языковое поведение.

С.В.Воронин /Ленинград/, Е.А.Мойсеева /Москва/

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ И РИМУЮЩИЙСЯ СЛЭНГ

1. Начнем с определения исходных понятий.

1.1. Звукоизобразительность /фонетическая, или примарная, мотивированность/ есть свойство слова, заключающееся в наличии необходимой, существенная, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной связи между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта - денотата /мотивом/. Слова обладающие таким свойством, - звукоизобразительные /ЗИ - / слова, - образуют звукоизобразительную систему языка. Последняя включает две подсистемы - звукоподражательную и звуко-символическую, важнейшими компонентами которых являются, соответственно, звукоподражательные /ЗП - / слова и звуко-символические /ЗС - / слова. /См.: С.В.Воронин. Основы фоносемантики. Л., 1982, с. 166, 199, 201./

1.2. Римующийся слэнг / Rhyting Slang ; далее также: РС/ : суть этого языкового явления, характерного для социально-территориального диалекта Лондона /лондонского просторечия, конки/, заключается в том, что слово общенационального языка или конки - далее : ключевое слово - заменяется на словосочетание обычно двучленное, последний компонент которого рифмуется с ключевым словом. Примеры РС : *beer and eggs = legs, loaf of bread = head, bees and honey = money.*

2.1. Одна из важнейших фоносемантических универсалий состоит в том, что экспрессивное слово всегда звукоизобразительно. Разработка вопросов экспрессивности звукоизобразительного слова - существенная часть программы исследований в рамках фоносемантики как своей самостоятельной языковедческой

науки.

2.2. Целый ряд важных характеристики рифмуемого слэнга уже получил весьма детальную разработку: РС как социально - территориальное образование, как специфический случай экспрессивной речи, как элемент коммуникативного процесса и др. - см. в частности, работы Э.Парtridge, Л.Соудека и особенно В.А.Хомякова /впервые подвергшего РС специальному исследованию/ см. также: Е.А.Моксева. Рифмуемый слэнг в современном английском языке. Канд. дисс. Л., 1968.

3.1. В настоящем докладе впервые выделяется и рассматривается еще одна важная характеристика РС /характеристика, доселе остававшаяся вне поля зрения исследователей /- звук-образительный характер многих его элементов. Впервые тем самым сопоставляются и рассматриваются совокупно проблема ЗИ и проблема РС.

3.2. Было проведено пилотажное исследование РС. /Авторы пользуются случаем выразить признательность доц. О.И.Бродовичу за оказанную помощь. /Было, в частности, установлено, что 200 рассмотренных примеров РС содержат ЗИ-элементы /слова/:

/А/ в субституте

/AI/ в первом элементе субститута

/A2/ во втором элементе субститута

/A3/ и в первом, и во втором элементах субститута

/B/ в ключевом слове

/C/ и в субституте, и в ключевом слове.

Приведем некоторые примеры:

/A/ /AI/ babbling brook / = sock: crook/, bottle of water / = daughter/, lump of ice / = advice/;

/A2/ butter flap / = cap/, cheese and kisses / = missus/, lemon squash / = wash, i.e. washroom/;

/A3/ cough and sneeze / = cheese /, cream and holler / = dollar/, twist and twirl / = girl /, tip and tap / = cap /, moan and wail / = jail/, bubble and squeak / = speak/, shake and shiver / = river/, chirrup and titter / = bitter/, swallow and sigh / = collar and tie/, rub-a-dub-dub / = club; pub/, ding-dong bell / = hell/.

/B / Niagara Falls / = balls/, Aristotle / = bottle.

/С3 rumble and shock /= knock/, rattle and hiss/= raise/,
rip-rap / = tap/.

4. Исследование показало, что звукоизобразительность в.раст в рифмуемом слэнге большую роль. Неслучайным является преобладание ЗИ именно в субституте, но не в кличетовом слове. Неслучайно также то, что среди звукоизобразительных рифмуемых слэнгизмов доля сьмантич ки мотивированных образований больше, чем в целом по РС.

Г.И.Дегтяренко /Торловка/

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ СЛЭНГА В СОВЕТСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКО -
ЗНАНИИ /на материале фразеологизмов английского языка /

1. Отказ от пометы slang в Большом Англо-Русском Словаре под редакцией И.П.Гальперина, М., 1979 г. лишь на том основании, что содержание термина "слэнг" расплывчато, что термин существует лишь в английской лексикологии и лексикографии в силу традиции, что ни во французском, ни в немецком, ни в русском, ни в каком либо другом языке такого термина нет, вероятно было прежде-временным. Нельзя игнорировать известное удобство этого термина, позволяющего объединять в рамках одной категории большой раздел субстандартной лексики, фразеологических еданиц, противопоставляемых обделитературной разговорной лексике.

2. В определениях термина "слэнг" существует теоретическая непоследовательность. Слова и фразеологизмы совершенно разнородные с точки зрения их стилистической характеристики и сферы употребления часто объединяются необоснованно под данной категорией. Вот лишь некоторые, далеко от научной обоснованности определения этого термина: Адам Мак Кай в Словаре Американских Идиом делает попытку определить "слэнг", исходя из его узуальных особенностей - слэнг употребляется только среди очень близких людей. Его употребление в речи помогает говорящему избежать репутации "сухаря", который всегда официален с его "искусственными фразами книжного языка". Джордж Мак Найт определяет слэнг как форму нелитературной речи, созданной в духе вызова и пренебрежения. Его цель - свежесть, новизна; его задача - шокировать. Слэнг - это не простовослые слова и фразы, для него характерно необычное

употребление звуков, грамматических форм и синтаксических конструкций. Следующее высказывание Поля Робертса суммирует отношение многих лингвистов в нашей стране и за рубежом к сленгу, но не является определением данной категории: "Slang is one of these things that everybody can recognize and nobody can define. Not only is it hard to wrap slang in a definition it is hard to distinguish it from such similar things as colloquialisms, provincialisms, trade talk."

3. Ряд советских исследователей: Ильин Б.А., Шпидер А.Д., Судзиловский И.А., Хомяков В.А. разделяют мнение ведущих лингвистов в англо-американском языковедении о том, что сленг далек от вульгарных коннотаций и требует тщательного изучения. Пурризм — это сущий вымысел, отражающий в лучшем случае педантичную позицию, а в худшем — аристократический или шовинистический подход к этому вопросу. Язык — это то, как люди говорят, а не то, как по-чьему-то мнению, они должны были бы говорить. Как и в литературной речи в сленге существуют вульгаризмы, табу, эвфемизмы: /taboo/ asshole buddy — близкий друг; /euph./ final thrill; last debt — смерть; cold meat party — похороны; to spin a hel — танцевать с дамой, которая старше партнера; belly fiddle — гитара.

4. Границы, разделяющие сленг, кэнт и жаргон, трудно определить, так как наблюдается постоянное передвижение слов и фразеологических единиц из одной категории в другую. Профессиональные жаргонизмы при утрате профессиональной ограниченности в узусе, корпоративные жаргонизмы при потере социальной ограниченности в узусе, низкие ксеноквализмы /активный словарь/ и вульгаризмы /пассивный словарь/ при утрате непристойной экспрессии пополняют общий сленг — основной компонент просторечного вокабуляра, который также пополняется различными жаргонизмами и арготизмами. Характерной чертой фразеологизмов сленга является чрезвычайно высокая "детская смертность".

5. При определении терминов "сленг", "фразеологизм сленга" следует исходить из семантики этих языковых единиц, учитывая: значительное преобладание коннотативного аспекта

значения над денотативным, основная масса фразеологизмов сленга имеет полностью переосмысленные компоненты и утраченную мотивацию.

С.В.Добрынин, Н.А.Шехтман /Оренбург/

АМЕРИКАНСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНО - СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Исходным для настоящей работы является положение о том, что возникновение и функционирование просторечных лексических единиц - это результат действия одного из главных принципов языкового совершенствования - принципа роста разнообразия в формальном, семантическом и функциональном аспектах.

Многочисленные классификации лексических единиц можно свести к двум универсальным признакам - к характеру смыслового содержания и функциям слов в той или иной сфере общения. С одной стороны, характер значения слова зависит от особенностей выполняемой им номинативной функции, ее ориентации на тот или иной участок реальной действительности, с другой стороны, семантический тип предопределяет характер коммуникативной функции слова в речи.

Как показывает практика лингвистических исследований, все слова могут быть условно разделены на три семантических типа: слова, обозначающие "вещи"; слова, соотносящиеся с понятиями о "вещах", их свойствах и отношениях между ними; слова призванные означать субъективное отношение говорящего к "вещам" и их свойствам, т.е. оценочное суждение, обусловленное представлениями данного социума с нормой того или иного свойства "вещи".

Просторечные единицы относятся к словам третьего типа. Номинативная функция этих единиц менее любых других ориентирована на свойства денотата, который зачастую уже имеет название в лексической системе литературного стандарта. Поэтому можно говорить о переосмыслении основы номинации в просторечной сфере: если для слов первых двух типов характерно рассмотрение единой предметной области под разным углом

зрения, то для просторечных слов сам угол зрения становится предельной областью, что предопределяет специфику их семантики. Оценочный признак входит в интенционал их лексического значения, а его реализация в речи является не факультативной, как у слов первых двух типов, а обязательной, предопределяющей прагматические функции этих единиц.

Прагматически — оценочные свойства просторечных единиц делают их гибким и динамичным инструментом коммуникации. С течением времени лексические единицы девальвируются, теряют эффект воздействия. Поэтому естественна потребность говорящих или пишущих к трансформации семантических структур имеющихся единиц и созданию либо новых единиц, либо комбинаций уже имеющихся.

Воздействие на адресата в различных коммуникативных условиях может быть эмотивным, информативным и прескриптивным. Наиболее распространенным типом коммуникативного воздействия является эмотивный тип. Он предполагает ситуацию общения, в которой говорящий прямо или косвенно выражает свое эмоциональное отношение к адресату. Информативный тип коммуникативного воздействия возникает в ситуации, в которой говорящий сообщает о своем эмоциональном отношении к какому-либо третьему лицу или предмету, обозначенному с помощью просторечного слова. Для прескриптивного типа воздействия характерна ситуация общения, в которой говорящий, называя предмет речи просторечным словом, тем самым выражает не только свое отношение к нему, но побуждает адресата к определенным действиям. Это приводит к изменению иллюктивной силы всего высказывания, т.к. оно содержит предписание или рекомендацию для слушающего относительно его возможных действий.

Таким образом, в различных ситуациях общения просторечные единицы способны модифицировать свои прагматические свойства, приспособлявая их к новым коммуникативным условиям.

Прагматические свойства просторечной лексики могут также быть эффективно использованы автором художественного

произведения для достижения коммуникативного единства текста в целом. Они обеспечивают общую с ясную направленность текста и взаимосвязаны не столько по содержательной, сколько по коммуникативной линии, настраивающей читателя на определенное эстетическое восприятие.

Функционально-семантический подход к изучению просторечия в рамках коммуникативной лингвистики отражает преобладание традиций и направлен на новое осмысление ранее изученных проблем и обнаружение не только функционально-стилистического, но и функционально-семантического варьирования языковых единиц.

С.М. Дрокин /Лятигорск/

К ПРОБЛЕМЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОВ С ИЗМЕНЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СТИЛЕ

Переносное использование в публицистике специальной лексики связано прежде всего с фундаментальным принципом газетно-публицистической речи — ее сознательно оценочным характером. Публицистика нуждается не вообще в экспрессии, а в экспрессии оценочной, социально и политически заостренной. О многих терминах различных терминосистем, используемых в языке газеты, следует говорить как о словах с высоким семантическим, оценочным потенциалом. К тому же, если учесть, что термины в сферу образного переосмысления стали вовлекаться еще в XIX в., то вполне объясним тот факт, что многие из них в результате частого употребления приобрели устойчивое переносное значение, с которыми и отмечены в словаре современного русского литературного языка.

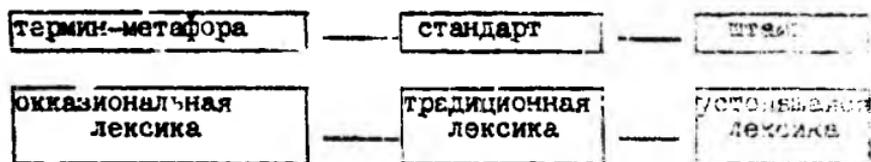
Обследование материалов центральных газет выявило наиболее характерные /в структурном отношении/ типы словосочетаний. Они явились двучленные пары грамматически связанных слов: атрибутивные сочетания /духовный фрагмент, пропагандистский валидол /, генитивные конструкции /видус жестокости, гипноз успеха /, предикативные конструкции /семья агонизировала, город гульсировал/.

В некоторых случаях газета, вынужденная обновлять, освежать свои страницы, создает новые словосочетания и фразеологические обороты, включающие терминослова. Уточним понятие терминослова. Термины, функционирующие в неспециальном значении, называем терминословами. Такое обозначение данных объектов учитывает связь между собственно термином и словом, сохранившим звуковую оболочку термина, но имеющим новое значение и употребляющимся в других коммуникативных сферах и функциональных стилях /это касается процессов детерминологизации/. Для фразеологизмов основным критерием определения переносности является окружение. Под окружением понимаем лексико-грамматические и лексико-семантические классы слов, с которыми фразеологические единицы образуют необходимую внешеструктурную связь. Например: поставить диагноз в медицинской терминологии имеет следующее окружение - врач, больной, болезнь, а новое окружение - система, общество, отношения /Судя по весьма сдержанным комментариям западной прессы, собравшимся министрам удалось лишь поставить диагноз финансовой болезни. Лекарства они так и не нашли. Правда. /.

Наблюдения за фразеологическими единицами терминологического происхождения, самыми безэквивалентными и самыми коннотативными в лексике любого разряда языка, позволяют заключить, что они не образуют какого-то отдельного от других фразеологизмов замкнутого ряда. Им свойственны те же структурные типы, что и нетерминологическими. Терминологические устойчивые сочетания являются одним из основных источников пополнения фразеологического состава русского языка.

Представим "конструктивный принцип" газеты следующей схемой: стандарт-экспрессия - стандарт... Если не согласиться с Ш.Балли, не разграничивавшим понятия "стандарт" и "штамп" и ввести в приведенную схему элемент "штамп", то в общем виде это будет выглядеть так; экспрессия - стандарт - штамп... Отличив широкий пласт экспрессивными терминословами, а уже собственно терминами-метафорами, получим термин - стандарт - штамп. Терминослова всегда носят индиви-

дуальную, авторскую окрашенность. На первом этапе этого движения /если оно в дальнейшем состоится/ в языке газеты они носят оттенок окказиональности. Итак, одно звено цепочки заполнилось: термины-метафоры на первом этапе освоения языком газеты - окказионализмы. Для заполнения второго понятия /стандарт/ используется лексика, ставшая привычной, традиционной в определенных подстигах газеты: стандарт - традиционная лексика. Штамп обслуживает лексика, утратившая свою эмоциональность, лексика со стертými экспрессивными границами, условно - устоявшаяся лексика.

В связи с разной степенью освоенности газетно-публицистическим стилем экспрессив выделяется окказиональная /ведомственный трх /обфлебит, анабиоз песни/, традиционная /анатомия анонимки, милитаристский тиф/, устоявшаяся /атмосфера перестройки, пульс планеты/ лексика.

Существенным для процесса обучения иностранных учащихся будет обращение и работа с традиционной и устоявшейся лексикой, так как она является строевой лексикой газеты.

В. А. Дубовский /Иятигорск/

УСТАНОВЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ФОНОВАРИАНТНОЙ АВТОНОМИЗАЦИИ В ЯЗЫКЕ

Под фоновариантом условимся понимать звуко-просодическое своеобразие, ассоциируемое носителями языка с его региональной, стилистической, социальной и т.п. стратификацией. Соответственно, выделяются региональные /диалекты, акценты/, стилистические /фоностили/, социальные /социолекты/ и т.п. фоноварианты языка /ФЯ/. Хотя их определение и дифференциация представляют теоретический интерес, более актуальной для решения ряда задач, особенно прикладного характера, оказывается процедура их вычленения. Иными словами - каков

набор признаков, по которым можно осуществлять формализованную автономизацию ФЯ?

Наименее уловимым аспектом структуры ФЯ является его просодия. В докладе предлагается один из возможных подходов к анализу просодического портрета ФЯ. Главный тезис сводится к тому, что просодические /как, собственно, и любое другое /своеобразие ФЯ формируется абсолютными, квазиобщими, дистрибутивными и статистическими маркерами.

Абсолютный просодический маркер ФЯ – это просодический признаковый параметр или структурный комплекс признаковых параметров, идиоматичны по форме и содержанию или только по форме, т.е. такой, какой имеется в одном ФЯ но отсутствует в другом. При каждом маркере план выражения признакового параметра или их комплекса совпадает в сравниваемых ФЯ, а содержание полностью или частично переосмыслено в одном из них. Дистрибутивные маркеры – это сочетаемость возможности просодических признаковых параметров или их комплексов, отражающие определенные значения или явления узуса в данном ФЯ. Статистические маркеры характеризуют ФЯ с точки зрения рекуррентности просодического признакового параметра или их комплексов.

При кажущейся ясности типов маркеров ставится вопрос в себе самих просодических признаковых параметров, за исключением наиболее апробированных, сферы их действия /? слог, ритмогруппа, другие фразовые сегменты/.

Практическое решение поставленной задачи иллюстрируется: а/ общезыковым инвентарем возможных просодических признаковых параметров и их комплексов, б/ анализом различных ФЯ в разносистемных языках на основе предлагаемых маркеров.

В.А.Дубовский, Л.М.Митрофаненко /Дятигорск/

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АКЦЕНТУАЦИИ АББРЕВИАТУР

Различного рода сокращения – широко представленный слой лексики практически во всех сферах человеческой деятельности. Они функционируют как самостоятельные единицы языка, обладая собственной грамматической формой и фонетической

структурой, в том числе акцентной. При анализе последней наибольший интерес представляет изучение реализации основных тенденций словесного ударения в инициальных аббревиатурах-буквенных, звуковых, инициально-слоговых, инициально-словных.

Буквенные аббревиатуры проявляют удивительную типологическую ориентированность: обязательная ядерная проминантность последнего компонента и ритмически обусловленные неядерные главноударные или второстепенные ударения /ср.; напр., рус., СССР, англ., USA, нем., DDR и т.п./

Акцентная структура звуковых аббревиатур формируется под воздействием семантико-морфологического и прототипического факторов. Акронимы произносятся преимущественно по модели простых слов данного языка /ср. рус. ЮНЕСКО, англ. NATO, фр. ONU/. В английском языке ведущей оказывается т.н. рецессивная тенденция, т.е. выделение первого слогоносителя /напр., (UNICEF - 'ju:nisef - United Nations Children's Fund; однако ср.: UNESCO - 'ju:nezəkəv).

Если аббревиатура употребляется как буквенный комплекс, то ударение принимает на себя последний элемент. Если же она функционирует как акроним, то ударение смещается на первый слог /ср. англ. UFO -'ju:ef'əv и 'ju:fəv - unidentified flying object).

Ударение в русских акронимах и акронимиках тяготеет к последнему слогу основы /напр., ГАИ, МИМО/ но, тем не менее, говорить о фиксированном ударении приходится. Причины его переноса с последнего слога пока не установлены, хотя прослеживаются некоторые закономерности обусловленности места ударения в аббревиатурах от языковых аналогий. Например, ударения на предпоследнем слоге имеют некоторые комплексы, по структуре напоминающие слова мужского рода с твердым начальным согласным - ГИТИС, ЛЭТИС, женского рода с конечной - а - РОСТА, БЕЛТА, среднего рода с - о - НАТО.

В русском языке ударение "перетягивает" нелабиализованный или менее лабиализованный гласный /напр., ГАУ, СИУ, ВАО vs ГАИ/, в английском отмечена вариативность.

Английские инициально-словные аббревиатуры, равно

текстом способствуют однозначному восприятию подобного рода высказываний в тексте.

Разговорная речь характеризуется возможностью разнообразного использования интонационных средств. Интонация в устной речи может взять на себя часть функций, передаваемых в письменной речи лексико-грамматическими средствами, и является универсальным средством передачи коммуникативного задания. В живом диалоге интонация сама по себе способна придать утвердительному предложению отрицательное значение. Так, например, в русском языке фраза типа "Я знаю", произнесенная с особой интонацией, может употребляться для выражения фамильярного отрицания в значении "Я не знаю". В английском же языке подобные значения чаще эксплицируются не только просодическими, но и лексико-грамматическими средствами /напр., *As if I knew* /.

При описании особенностей выражения имплицитного отрицания в разных языках важно разграничить сферы действия, с одной стороны, лексико-грамматических и просодических средств, с другой - только просодических при нейтрализации лексико-грамматических маркеров.

Проведенное нами экспериментально-фонетическое исследование с подобной дифференциацией задач показало что: а/ без соответствующей просодии немислима реализация имплицитного отрицания независимо от наличия или отсутствия лексико-грамматических маркеров, б/ нейтрализация "отрицательной валентности" лексико-грамматических средств уменьшает возможности коммуникативной однозначности, в/ имплицитное отрицание всегда сопровождается мотальностью. Коммуникативно сложенные таким образом речевые акты характеризуются национальной спецификой сочетаемости модальных значений и просодических признаковых параметров в каждом из языков.

В.А.Дубовский /Лятигорск/

Л.В.Мудрик /Луцк/

НЕКОТОРЫЕ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

1. Обладая общей функциональной целеустановкой, поздравительные речевые акты (ПРА) образуют подсистему коммуникативно-прагматических вариантов, среди которых вычлениются реж-

де всего ядерные и периферийные. К ядерным относятся такие ПРА, индикатор аллокутивной силы которых выражен перформативными глаголами "поздравляю", "желаю", (а также производными от них существительными) или поздравительными клише, реализованными с адекватной интонацией. К периферийным относятся ПРА окказионального характера, в том числе контекстуально обусловленные, иллюкутивная сила которых эксплицирована только интонацией.

Ядерные ПРА, в свою очередь, подлежат дальнейшей дифференциации на собственно поздравления, коммуникативно сложные (комплексные) поздравления, поздравительные клише и собственно пожелания.

2. ПРА маркированы эмоциональной экспрессивностью, которая синтетически выражена разноуровневыми средствами с обращением к различного рода стилистическим приемам (метафоризации, повтору и др.) - а) эмотивно окрашенной лексикой: прилагательными, наречиями, существительными только с положительной эмоциональной оценкой (напр., англ.: happy, best, true, prosperous, hearty и др.; success, happiness, sunshine, joy, luck и др.; в докладе анализируются их сочетаемостные возможности и рекуррентность в стилистически дифференцированных сферах общения на материале разносистемных языков); синтаксическими конструкциями: императивами, инвертированными и эмфатическими структурами, восклицательными предложениями (англ.: In the New Year may you play with the moon and kiss the stars - and the earth lie in your lap; русск.: 'а будет..., Пусть...; нем.: Gedeihe in Deiner Zukunft...; чечен. Ирс хуьлда х м... и т.п.. в) интонацией: повы. знчим регистром, тональным всплесками в шкале, терминальным выравниванием, темпоральным растяжением на проминантных участках, "ностальгически-оптимистическим" тембром.

*

С.И.Завражнова /Москва/

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ-ТЕЗАУРУС ДЛЯ ШИРОКОГО КРУГА ЧИТАТЕЛЕЙ

При бурном развитии отраслевой терминологической

как и словно-инициальные, под воздействием семантико-морфологического фактора имеют фиксированное ударение на редуцированном элементе, поскольку он практически всегда римогенен /напр., 'A - bomb ; ,non-'u /. В случае усеченности словного элемента он ведет себя по правилам реализации буквенного /напр., D'Phil - Doctor of Philosophy; B'Mus - би:шлэ - Bachelor of Music). В слуг их типа 'so-op /но со'орe-rative / сдвиг ударения объясняется как семантическим /подчеркнуть значение совместности/, так и рецессивными факторами

В русском языке прослеживаются такие же закономерности, но с большим разбросом вариативности.

Д.А.Дубовский, Л.Н.Шаповал /Пятигорск/

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОГО ОТРИЦАНИЯ

Имплицитность заложена в самой природе языкового знака, способного к полисемии и полифункциональности, и проявляется на всех уровнях языковой системы. Характерным случаем имплицитности в разговорной речи является неграмматизированные способы выражения отрицания, а также транспозиция различных коммуникативных типов высказываний.

В докладе рассматриваются характерные для русской и английской разговорной речи способы выражения имплицитного отрицания, которые, являясь результатом проявления асимметрии между единицами плана выражения и содержания, отражают один из процессов развития языка, повышают его выразительные возможности.

Своеобразие имплицитных категорий заключается в том, что они возникают на основе определенной комбинаторики разноуровневых языковых средств и передаются всей структурой в целом. Передача имплицитных смыслов отрицания сопряжена с особенностями синтаксического построения, лексического наполнения /Much you think about me. Where shall I know? The hell they do it / и специфической интонацией. Наличие лексико-грамматических сигналов, "подсказывающих" соответствующее просодическое выражение, вместе с мотивирующим кон-

лексикографии ощущается значительный пробел в массовой лексикографии, отражающей общеупотребительную тематическую лексику, составляющую основу неформального общения как специалистов, так и самых больших групп людей, заинтересованных в данной сфере деятельности. В социальном портрете нашего современника интерес к музыке занимает немаловажное место. Этой теме уделяется много внимания в средствах массовой коммуникации.

В соответствии социальной направленности словаря в качестве источников используется художественная и музыкальная литература, массовая публицистика, прессы, теле- и радиопрограммы.

Словарь активного типа сочетает в себе элементы толкового, синонимического, антонимического, ассоциативного словаря; словаря сочетаемости и словаря эпитетов. Это толково-комбинаторный словарь, призванный служить не только источником необходимой лексики, но и формировать речевую деятельность читателя. Для этого словарь предлагает контексты употребления слова, образцы словосочетаний, логические определения, общезыковые и индивидуально-авторские эпитеты, отражающие культурный, исторический, поэтический фон слова, круг его ассоциаций, его характерные индивидуальные признаки, и призванный способствовать как точности высказывания, так и его выразительности.

Вся лексика /6000/ единиц распределяется по темам, отражающим структуру данной предметной области и представляющим различные аспекты музыкальной деятельности.

Основы словаря составляют тематические статьи, которые описывают опорные лексемы. Слово в тематической статье помещено в контекст его употребления. Для ^{этого} статьи, кроме дефиниции и иллюстративных текстов, приводятся лексические корреляты заглавного слова, связанные с ним разнообразными /в основном синонимическими и метонимическими/ связями. Эти корреляты располагаются в статье по схеме, которая зависит от тематики статьи.

Помимо заглавных слов, связанных друг с другом отсылками, словарь содержит большое количество /5000/ единиц,

информация о которых содержится в статьях словаря : это лексические корреляты заглавных слов, их производные, слова, составляющие круг их сочетаемости и совместной встречаемости. С логичностью в таком случае носит чисто отсылочный характер.

Не являясь энциклопедическим, словарь через дефиниции, рисунки, иллюстрированные тексты и лексические корреляты дает представление не только о слове, но и об объекте, который именуется этим словом и его место в данной предметной области. Словарь может быть использован как пособие при обучении русскому языку, при чтении, реферировании и переводе художественной, мемуарной литературы, газет и популярной публицистики, как разговорник - справочник.

Г.Р.Иванова /Москва/

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ СЛЕНГА

/на материале университетского сленга США и Великобритании/

1. Развитие состава сленга, изменение его качества происходит по линии образования новых лексических единиц /далее ЛЕ/. Вместе с тем не все новообразования остаются в языке. Часть из них исчезает, и только та часть, которая является устойчивой, закрепляется в лексическом составе.

2. Существующие в настоящее время исследования, связанные с пополнением словарного состава современного английского сленга, направлены, главным образом, на регистрацию вновь возникших ЛЕ, изучение механизмов создания сленгизмов, выявление степени продуктивности этих механизмов безотносительно к вхождению ЛЕ сленг и закреплению в нем. В результате современная англистика не располагает данными, которые могли бы служить показателем жизнеспособности сленга. Это оправдывает актуальность разработки данной проблемы.

3. Незаработанность вопроса об устойчивости сленга связано еще и с тем, что большинство специалистов считают, что "жизнь" отдельных сленгизмов очень кратковременна, и поэтому сленг - неустойчивая лексическая система, состав которой полностью заменяется в течение 20-50 лет, хотя специальное исследование, насколько нам известно, не проводилось.

Собранный и проанализированный нами материал продемонстрировал несколько одну картину.

4. Цель нашего сообщения — доказать существование ядра устойчивых единиц в сленге.

материал исследования — сленг американских и британских университетов.

В сообщении университетский сленг подвергается анализу с точки зрения:

- 1/ установления устойчивых и неустойчивых ЛЕ;
- 2/ выведения соотношения устойчивых и неустойчивых ЛЕ, определения индекса устойчивости;
- 3/ сопоставления индексов устойчивости ЛЕ сленга для американского и британского вариантов и заключения о большей или меньшей устойчивости каждого из них;
- 4/ выявления количественной глубины устойчивости университетского сленга, установления на основании этого степени устойчивости для американского и британского вариантов;
- 5/ определения зависимости устойчивости сленга от продуктивности номинативного механизма, семантической структуры ЛЕ и социофункциональной характеристики.

5. Предварительные результаты, полученные в ходе исследования, показали, что ЛЕ университетского сленга можно подразделить на относящиеся к ядерной части и относящиеся к периферийной части. ЛЕ, тяготеющие к периферии, характеризуются низкой степенью устойчивости и быстро исчезают из языка. ЛЕ, тяготеющие к ядру, демонстрируют достаточно высокую степень устойчивости различную для американского и британского вариантов, главным образом, в силу воздействия экстралингвистических факторов.

Интересным представляется тот факт, что ядро устойчивых ЛЕ университетского сленга в большой степени совпадает с межвариантным ядром.

6. К факторам, определяющим устойчивость сленга, можно отнести следующие:

- 1/ немоделируемость ЛЕ /сленг в большой степени открыт для новообразований, характеризующихся индивидуальностью, рост состава сленга происходит в значительной степени

за счет способов номинации, которые в стандартном словообразовании считаются средне- и низко/продуктивными /;

2/ отсутствие стандартного эквивалента /закрепляются в сленге и переходят в стандартный язык те ЛЕ, которые являются уникальными /;

3/ простота словообразовательной структуры /усложнение словообразовательной структуры вызывает уменьшение устойчивости/;

4/ коммуникативная направленность /более устойчивыми являются ЛЕ, относящиеся к социофункциональному классу более важному для процесса коммуникации^В данной социальной группе/.

7. Хронологическая глубина устойчивости университетского сленга оказалась различной для американских и британских ЛЕ. Это обусловлено как экстралингвистическими факторами /различиями в историко-культурном развитии двух стран/, так и лингвистическими /особенностями номинации в разных вариантах, сложностью структуры ЛЕ и др./.

А.М.Каплуненко /Москва/

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ИЛЛОКУТИВНОЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

Подходы британских ученых к анализу общественно-классового характера страны в послевоенный период неизменно несут отпечаток социологической традиции, закрепленной в трудах Р.Тарннта и Г.Спенсера. Главная ее особенность заключается в весомой роли лингвистических факторов, определяющих "классовое лицо" группы населения. Закономерным следствием данной традиции является распространенное в университетах и колледжах сочетание социологии и лингвистики как основных предметов для специалистов в области общественных отношений.

Анализ языка с точки зрения факторов, отражающих классовые отношения в обществе, существенно отличается от социолингвистического анализа. Как известно, основные принципы последнего преимущественно разрабатывались на материале фонетических и частично - лексических различий. Что касается первого, основным показателем классовой принадлежности

считается вербально выраженная оценка основных ценностей как собственного, так и других классов. В центре внимания оказывается классовый стереотип, т.е. высказывание, если давать определение по языковой форме.

Эти высказывания ориентированы в направлении, которое можно назвать иллюкутивным предубеждением. Исследование характера речевого акта, лежащего в основе высказываний, показывает, что все они содержат вызов. Даже высказывания о ценностях среднего класса в сельской местности несмотря на внешнее отсутствие иллюкуции обнаруживают соответствующий компонент при более внимательном изучении самосценки: вызов содержится в обязательном указании на местность, в которой проживает группа, например, "Мы - честные жители Горбриджа", "Мы - фермеры ИВВИДА" и т.п. Попытки представителей других классов применить те же формулировки - "простые сельские жители", "фермеры" - в луская локатив, вызывает протест, влекут за собой активную защиту стереотипа, отражающего "классовое лицо". Представляется, что смысл локатива в этом случае меняется кардинальным образом. Из простого знака, имеющего указательную функцию, он превращается в символ, олицетворяющий одну из ценностей среднего класса сельской местности.

Ясно, что одновременно данная особенность самооценочных высказываний выражает явное предубеждение, нежелание видеть основу мелкого фермерства. Таким образом, рассмотренные высказывания являются типичными примерами иллюкутивного предубеждения.

Для лингвиста наиболее важное следствие иллюкутивного предубеждения - изменение знаковых функций многих имен, испол. зумых в соответствующих высказываниях. Выявляется общая закономерность: имена отлекаются от их собственно знаковых функций и переходят в разряд символов /процесс, описанный А.Ф.Лосевым/. Так слова "деревня", "село" часто используются для обозначения таких социально-культурных черт, как привязанность к земле и несколько консервативное мышление; слово "джентльмен" возвращается к его прототипическому значе-

нию "человек благородного происхождения". Крайней формой выражения социального стереотипа в языке, по -видимому, можно считать использование таких символов в идентифицирующих высказываниях типа "Это и есть село" /о консерватизме сельских жителей/. Здесь иллокутивное предубеждение обнажается за счет стремления "узаконить" символ, вернув ему классическую синтаксическую функцию знака.

Закономерным следствием иллокутивного предубеждения также является обилие языковых средств, обладающих самостоятельной иллокутивной силой. Это преимущественно фразеологические "ярлыки" - идиоматизмы, акцентирующие какие-либо невыгодные, порочные качества определенного класса. Самый распространенный из них - social climber - "карьерист". От символов ФЕ - "ярлыки" отличаются тем, что в их знаковых функциях они опираются на исходный образ, тяготеют к метафоре. /Диалектика эволюции "образ" - "метафора" - "символ" - "знак" подробно описана Н.Д.Арутюновой/.

В.П.Коровушкин /Череповец/

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ВОЕННЫХ ЖАРГОНИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

1. Лексическую систему военного подъязыка можно социолектологически разграничить на военно-уставную терминологию и военный жаргон. Они взаимосвязаны общим профессионально-понятийным ядром и областями функционирования, различаясь нормативно, стратификационно и ситуативис. На границе между ними находятся военные коллоквиализмы, сформированные, в основном, стандартизуясь, или жаргонизмами и, в меньшей степени, жаргонизирующимися терминами. Военные жаргонизмы в рассматриваемых языках можно сопоставить, по крайней мере, по четырех планах: структурном, семасиологическом, ономасиологическом и социо-прагматическом для выявления типологических черт.

2. В плане структуры ведущей типологической чертой является наличие структурно-неотмеченных и структурно-отмеченных образований. К первым относятся слова и фразеологизмы, морфологическая и синтаксическая структура которых присуща

литературному стандарту. Ко вторым - слова и фразеологизмы, формальная структура которых имеет просторечную отмеченность. Структурно-неотмеченные жаргонизмы представлены простыми, производными, сложными и сложноположенными словами, а также фразеологизмами, обладающими стандартной морфолого-синтаксической раздельноформенностью своих компонентов. Структурно-отмеченные - сокращениями, итеративами, гибридами и образованиями оборотного и срединного сленга. Ср и сокращений выделяются аббревиатуральные, аброморфемные, абрословесные и комбинированные структуры. Среди итеративов - аллитераты, рифмованные образования и редупликаты. Гибриды характеризуются наличием в своей структуре иноязычного /или принимаемого в таковой /элемента, который может подвергаться фонетической, морфологической, синтаксической и комбинированной ассимиляции, а также декомпозиции, вызванной ложноэтимологической ремотивацией. Обратные сленгизмы - это фонетические перевертыши слов и словосочетаний. Структурная отмеченность срединных сленгизмов выражается в расчлененности слова на две части и перестановке их местами. Типы и модели неотмеченных и отмеченных структур специфичны для каждого военного жаргона.

3. В семасиологическом плане ведущие типологические черты отмечаются в следующих аспектах: лексико-грамматическом, лексико-семантическом, структурно-семантическом, этикостилистическом, генетическом /включая динамику жаргонизмов/, ад: ально-темпоральном, социально-профессиональном и локально-территориальном. Военные жаргонизмы представлены именами существительными, прилагательными, наречиями, глаголами, фразовыми глаголами и фразеологизмами с комплексной характерной структурой. Они подразделяются на военно-профессиональные и военно-бытовые аналоги и универбы, обладающие этикостилистической сниженностью различного качества: от шуточно-иронической и фамильярно-насмешливой до унижительной и вульгарной. Генетический состав военного жаргона формируется на базе как собственных, так и иноязычных источников. К первым относятся лексические микросистемы литературного стандарта, просторечия, социализированных территориальных и этнических диалектов, полудиалектов и городских говоров. Ко вторым -

различные индоевропейские и неиндоевропейские языки. Динамика жаргонизмов проявляется в их вертикальной и горизонтальной мобильности в пределах лексической системы своего языка, а также в переходе в другие языки. Жаргонизмы соотносятся с имеющимися вариантами соответствующего языка, образуя ареальные разновидности военного жаргона. В рамках последних жаргонизмы дифференцируются по определенным темпоральным и социально-историческим периодам, а также по основным организационно-структурным единицам вооруженных сил, категориям личного состава и местам его длительной дислокации. В соответствии с этим выделяются профессионально-корпоративные разновидности военных жаргонов, специфические для Австралии, Великобритании, Индии, Канады, Новой Зеландии, США, ГДР, ФРГ и СССР, и некоторых других стран/.

4. В ономаσιологическом плане выявляются типологические черты вторичной номинации на уровне слова и фразеологизма. Словообразование в военных жаргонах разграничивается на процессы с формально выраженной и невыраженной производностью. Первые подразделяются на аддитивные, субтрактивные, аддитивно-субтрактивные, пиджинизационные и декомпозиционные. Вторые — на конверсию и лексику — семантическое словопроизводство. Фразеологизация характеризуется описательным моделированием номинативных единиц, в создании которых могут участвовать имена существительные, прилагательные, наречия, глаголы, причастия, местоимения, предлоги, союзы, частицы. Набор деривационно-ономаσιлогических типов и моделей специфичен для каждого военного жаргона в аспектах формы и содержания, статистики и динамики. Существуют также наименования на уровне предложения.

5. В социопрагматическом плане ведущими типологическими чертами военных жаргонизмов являются: социолингвистическая обусловленность их речевого функционирования в качестве языковых показателей детерминантов коммуникативного акта между военнослужащими и приобретение в диалогическом дискурсе социопрагматических значений. Военные жаргонизмы могут детерминироваться ситуацией общения, статусом и ролью коммуникантов, темой общения, эмоциональным состоянием и установ-

кой коммуниканта на выбор элемента языкового кода для построения социально-корректного высказывания. В то же время они одноконтекстно указывают на данные параметры. Это и обуславливает двухаспектный детерминатно-демонстративный характер социопрагмем, образующих речевую социопрагматическую парадигму, специфическую для каждого военного жаргона.

6. Типологический анализ других военных жаргонов по предложенной методике позволит установить как специфику их становления, так и общие тенденции их развития. Возможно так же сопоставительное изучение военных жаргонов в лексикографическом, функционально-стилистическом, этимологическом и страноведческом планах.

В.Г.Коротких /Орел/

ТЕРРИТОРИАЛЬНО ЗАФИКСИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В КОЛЛЕКТИВИАЛЬНОМ СЛОВАРЕ

Среди нормативных указателей локальной ограниченности лексической единицы, принятых в немецкой лексикографии, существует такой, который указывает на прикрепленность слова к языковому обиходу жителей Берлина и прилегающих к нему районов. Данная помета широко используется в коллективной лексикографии /В.Дамсоники/. Как исключение она употребляется в ряду лексикографических помет, которыми снабжен толковый /немецко - немецкий/ словарь разговорно-окрашенной лексики и язычного происхождения /СГЗ/. Отказываясь в целом от включения в СГЗ лексики, обнаруживающей тенденцию к территориальной дифференциации и территориальному варьированию, считаем целесообразным и оправданным введение в словник единиц, типичных для разговорной речи носителей немецкого языка столицы ГДР и Западного Берлина, так как современный берлинский полудиалект /по терминологии В.М.Дамулинского/ занимает особое положение среди других местных говоров. Помимо всего прочего, он выделяется на их фоне большим территориальным распространением.

Специфическое в берлинском полудиалекте обнаруживается прежде всего на лексическом уровне. При этом его лексический состав можно условно подразделить на три группы, границы

между которыми весьма неустойчивы: а/ особые, свойственные только этому полудиалекту лексемы — берлинизмы; б/ коллоквиализмы — заимствования, хотя и употребляемые в общенародной разговорной речи, однако имеющие предпочтительное использование в берлинском устном обиходе; в/ лексемы, утратившие строгую территориальную прикрепленность и широко используемые в общенародной разговорной речи, но обильно уживающиеся берлинскому специфичу лишь в плане произношения.

Этимологическая характеристика берлинского лексикона не отличается большим разнообразием. Его основная часть сформировалась за счет лексем, восходящих к французскому языку и языку идиш.

Установлено, что романизация немецкого языка особенно усилилась в XVII веке. Именно тогда многие галлицизмы попали в немецкую разговорную речь путем непосредственного контакта немецкого населения с французами. Напомним об одном историческом факте. В 1685 году курфюрст Фридрих-Вильгельм пригласил в свое государство примерно 6000 протестантов, изгнанных из Франции в период гугенотских войн. Новой родиной этих переселенцев стал Берлин. Будучи хорошими мастерами разных специальностей, они быстро нашли свое место в новых условиях. Участие французов в различных сферах жизни столицы не могло не оказать влияния на немецкий язык. Таким образом стимулировалось проникновение Галлицизмов в немецкий язык самых широких слоев народных масс, в то время как прежде зона романского влияния традиционно охватывала лишь придворные круги и образованную часть населения города.

Среди этнически разнообразной массы переселенцев представителей других народов наиболее значительную группу как количественно, так и с точки зрения языкового влияния составляли евреи. Речь шла преимущественно о реэмигрантах из восточной части Европы и переселенцев, изгнанных из Австрии времен правления Марии-Терезы. Они обосновались в городе еще с 1671 года, но еще долго оставались на положении граждан, лишенных прав.

В течение XVIII века численность населения Берлина выросла с 5000 почти до 15000 жителей, т.е. в три раза. По-

разному складывалась судьба переселенцев^В столице, однако все они со временем подчинялись мощному процессу языковой унификации, в ходе которого почти стирались или полностью утрачивались языковые различия. Не удалось ^{избежать} ассимиляции даже таким сплоченным и берегущим свои культурные традиции группам как гугеноты и евреи. Тем не менее, языковая адаптация еврейской части населения протекала весьма медленно на протяжении жизни поколений вплоть до XIX столетия, в то время как этот процесс у гугенотов вступил в завершающую фазу уже примерно в конце XVIII века.

Стабильность и постепенность еврейской ассимиляции объяснялись рядом факторов. Так, например, приблизительно до конца 20-х – начала 30-х годов нашего столетия в Берлине существовала многочисленная еврейская община. Дети большей части ее членов посещали религиозные школы. Неудивительно поэтому, что часто слова явчке и диде проникали в языковой обиход берлинцев, хотя и несколько видоизменяясь фонетически. В большинстве случаев вряд ли можно с полной уверенностью установить, заимствовались ли слова путем прямого контакта или попадали в берлинский лексикон опосредованно.

Немало слов данного происхождения поступало через жаргон деклассированных элементов. Кстати, аналогичная ситуация наблюдалась в XIX столетии в целом ряде других крупных немецких городов. При этом, как правило, происходила деградация арготизмов, утрачивалось основное свойство такой лексики – быть средством конспиративной коммуникации. Утрата эзотерической функции обычно сопровождалась семантическими преобразованиями слов. И тем не менее такие лексемы сохраняют некий арготический флер, что не в последнюю очередь способствует их широкой употребительности в речи берлинцев, издавна известных своей склонностью к острому словцу. Важно подчеркнуть, что здесь перенимались не отдельные группы лексики, а лишь ее кристаллы. Бедь острая приправа недопустима в больших количествах. Иначе говоря, в обиходно-разговорной речи берлинцев остаются только "семантические тени" некогда существовавших арготизмов.

Некоторое количество слов берлинского лексикона восходит к славянским языкам. Другие языки представлены в нем лишь

одиночными лексемами.

Утрата берлинизмами своей локальной прикрепленности протекала в разные исторические эпохи с неодинаковой степенью интенсивности. Так, она, например, возросла с середины XIX века вследствие превращения Берлина в крупный промышленный и культурный центр. Интенсификация "излучения" берлинизмов наблюдалась и после 1945, то есть с 1949 года, т.е. с момента превращения города в столицу ГДР. Процесс этот продолжается и в наши дни. Заметную роль в нем играет молодежь как наиболее мобильная и восприимчивая к языковым изменениям часть носителей языка любого народа.

Строго говоря, в вопросе о словарной тарификации рассмотренной лексики уместен, вероятно, более дифференцированный подход. Ряд признаков дает основания предположить, что в послевоенные десятилетия в словарном составе берлинского полудialecta восточной и западной частей города накопились определенные различия. Весьма осторожные замечания в связи с этим в некоторых работах последних лет, фрагментарно затрагивающих тенденции территориального разобщения берлинского лексикона, свидетельствуют о том, что берлинский городской полудialectal развивается в разных направлениях, несмотря на генетически единую языковую основу. Однако время для точных прогнозов еще не наступило.

В. А. Кухаренко /Одесса/

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ СИСТЕМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕЯЗЫКОВЫХ, ГРУППОВЫХ И СОБСТВЕННО ИНДИВИ- ДУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Индивидуальную речевую систему можно представить как трехъярусное образование, в основании которого лежит количественно наиболее репрезентативный, качественно наименее вариативный слой — общеязыковой. Он обнаруживается в речи /речевом общении/ всех носителей определенного языка. Над ним надстраивается ярус, в котором представлены языковые средства, обусловленные групповой, прежде всего социально-культурной и территориальной принадлежностью говорящего

/будущего/. Сюда входит, помимо прочих, основная масса стилистически отмеченных языковых средств. И, наконец, третий ярус отражает собственно индивидуальные характеристики речевой системы каждого конкретного носителя языка. Здесь, в первую очередь, проявляется фактор частотности использования языковых средств, имеющих в распоряжении говорящего /или нарушений их нормативного употребления/; значительно реже - индивидуальное словотворчество и словопотребление.

Таким образом, структура индивидуальной речи может быть схематически представлена в виде куба, состоящего из трех слоев-ярусов, увеличивающихся в объеме к основанию:

Речевая характеристика персонажа в художественном произведении строится по аналогичной схеме, обычно с превалированным одним из ярусов, но - независимо от эстетических воззрений автора - с обязательным включением второго.

Чем более активно в речевую партию персонажа включается третий ярус, тем большая индивидуализация ей сообщается. В дополнение к прочим средствам создания художественного образа персонажа, он получает и собственную речевую метку: повтор одного или нескольких элементов, принадлежащих одному или нескольким языковым уровням - повтор конструкции, слова, словообразовательной модели специфически произносимой соответственно графически представлен. А фонем.

Преимущественная ориентация автора, при создании художественного диалога, на базовый слой указанной выше структуры создает общерез зворный тон изложения /что чрезвычайно характерно для прозы XX в./.

ПРОСОДИЯ ФАМИЛЬЯРНО-РАЗГОВОРНЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ

1. Социальная стратификация языка достигается взаимодействием всех его уровней. В то же время каждый из последних в определенной степени самодостаточен для формирования того или иного социолекта. Доказы, что наибольшей интенсивностью обладает лексика, в меньшей степени – активная грамматика. О фонетике в этом аспекте упоминают лишь вскользь, к тому же часто в терминах статистической предпочтительности отдельных признаков параметров.

Как показывают факты речевой действительности, единицы, социо-стилистически маркированные на грамматическом или лексическом уровне, реализуются с жестко коррелирующими с ними просодическими структурами.

2. Условимся различать литературно-разговорные, обиходно-разговорные и фамильярно-разговорные единицы языка и речи.

2.1. Фамильярно-разговорные, в том числе и разговорно-слоговые, речевые единицы /ФРРЕ/ по своей коммуникативной установке могут быть повествованием, восклицанием, побуждением, вопросом.

2.2. Среди повествований в русском языке обращают на себя внимание прежде всего ФРРЕ типа а/ "Я знаю" и б/ "Не понял".

2.2.1. "Я-знаю" выражает имплицитное отрицание /ср. также лубуу N/Pt + > Vt конструкции с однотипной просодией: Он ходил туда = Он не ходил туда/. Фонетически в этом типе ФРРЕ два проминантных пика, последний из которых – ровный терминальный тон в одной из двух разновидностей /чисто ровный, ровный с восходяще-нисходящей конфигурацией в вышесредней регистровой зоне/. Совершенно очевидно, что это особый терминальный тон, не употребляющийся в других речевых единицах. Его акустический портрет еще предстоит выявить.

2.2.2. Ф Р Р Е "Не понял" функционально уникальна в том смысле, что мы не можем образовать аналогичные ФРРЕ на другой лексико-грамматической базе. "Не понял" фактически выражает не констатацию /отрицание факта/ действия, а побуждение /"расшифруй", "детализируй" и т.п.; ср. прагматическую

установку вопроса, задаваемого в городском автобусе /троллейбусе/ трамвае - "Вы выходите на следующей?"/, или модальность вызова. Данная ФРРЕ реализуется преимущественно с восходящим скачком - интервалом тона между главноударным и заударным слогами, а иногда с ровным терминальным тоном. Спешку ФРРЕ выражает, видимо, объем интервала - скачка и своеобразное распределение темпорально - энергетических характеристик во фразе.

2.3. Среди побуждений наиболее рекуррентными являются ФРРЕ типа "да пошел ты!", "да иди ты!" Главное коммуникативное значение данных ФРРЕ заключается, скорее, в экспликации модальности возмущения, недобольства /в отличие от собственно побуждения "пошел вон!" = Уходи отсюда!/. Просодически фраза маркируется высоким могучим доходить до фальцета, ровным главноударным слогом с контрастными интервалами тона слева и справа: "Ты" может быть ослаблен до шепота:

шел
Да по , ты!

Несомненно, данные ФРРЕ содержат в себе адресат направления, напр., "к черту", который в силу ряда причин /этикета, эфемеризма и др./ часто лишь имплицировался. Впоследствии усеченная структура стала употребляться как завершение речевого акта. Об этом свидетельствует перераспределение просодических характеристик в "да пошел ты" сравнительно с "да пошел ты к черту!"

2.4. Вопросы типа "Что?!", "Куда?!" приобретают разговорно-слеговую окраску только при выражении модальности возмущения, вызова. Их просодия при этом характеризуется темпоральной эмфатической растянутостью ударного слога, реализуемого вместе с предударным на монотоне, уровень которого отражает степень эмоционально-модального проявления.

2.5. Идиоматические ФРРЕ - восклицания - это реплики типа "В грозу я это видел!" Так же, как и в вышерассмотренных видах, просодия ФРРЕ - восклицаний отличается стабильностью структуры. В данном случае - экспрессивная концентрация всех просодических средств на сдвинутом влево ядерном участке,

нисходящий терминальный тон, усугубленное энергетически расслабленное произнесение задержкой части на минимально низком тональном уровне.

3. В докладе также сделана попытка сопоставить русские ФРРЕ с английскими.

В.Г. Переяшчин /Москва/

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Обращение к психологии человека, ее глубинным процессам, стало устойчивой тенденцией в зарубежной литературе нового времени. Среди многочисленных средств создание художественного образа все большая роль отводится речевой характеристике персонажа, что обусловлено рядом лингво-психологических особенностей языкового общения. Во-первых, речь, являясь средством, тождественным предмету изображения, позволяет наиболее лаконично /без комментариев и ремарок/ актуализировать характерологический потенциал образа. Во-вторых, речь персонажа, представляя собой фокус социально-психологических комплексов, является видущим элементом идейно-художественной структуры произведения и позволяет передавать не только фабульные, но и имплицитные пласты повествования.

Наиболее характерно эстетическая полифункциональность речи проявляется в романе У.Стайрона "Признания Ната Тернера". Его макроструктура представляет собой продолжительный устный монолог героя, не регламентированный установками собеседника. Коммуникативная направленность "признаний" имеет сложную семантическую структуру и может рассматриваться на трех уровнях: фабульном, социально-психологическом и философском.

Многоуровневая семантика макроструктуры обуславливает и сложную форму /стилистику/ повествования которую можно определить как вариант "княжьей риторики". В докладе рассматриваются как общие качества этого стиля, так и индивидуальные особенности языка героя-рассказчика, такие как акцентированная роль аллегорического плана; сочетание библейской патетики с разговорным стилем, что создавая своеобразный ритм текста.

облегчает его восприятие; многочисленные ритуальные, фольклорные, профессиональные стилизации, а также диалектизмы и сленг. Таким образом, свободный стиль "признаний" героя и его язык модно рассматривать как квинтэссенцию "социальных ролей" персонажа и проявление, лежащих в основе социальной структуры американского Юга, общественных отношений.

Реализация авторского замысла потребовала смелого экспериментального подхода. Выступая в трех, фактически не совместимых в одном человеке статусах, — раба, — священника, булгаря — герой романа одновременно является носителем радикально противоположных вариантов языка: литературного и негритянского диалекта. Следовательно, автором создается психологически аномальная ситуация, в которой социальная детерминация выбора средства общения вступает в противоречие с коммуникативной функцией языка. Например, раб-негр обязан говорить с хозяином на деформированном малопонятном диалекте, тогда как нормированная речь звучала бы вызовом и неуважением. С другой стороны, риторические пассажи проповеди Ната, обращенных к его собратьям, малопонятны им и делают его человеком чуждым их среде. Подобная ситуация ставит героя в обособленное положение и черевата эгцентричными тенденциями в его психике.

Принцип контрастности, проявляющийся в языке главного героя, является действенным средством усиления драматизма сюжетных положений, языковой и психологической реакцией на противоположные, антигуманистические процессы, разрушающие человеческое общество и личность.

В.Я.Мизещая /Одесса/

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ УСТНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Существует точка зрения, что изучение устной разговорной речи /УРР/ можно проводить на базе драматургической персонажной речи /ДПР/. Однако ДПР не является полным слепком с УРР, хотя и отражает многие особенности последней.

Сопоставительный анализ показал, что различия касаются целого ряда аспектов. Так, для УРР характерно челночное движение, когда говорящий возвращается к уже сказанному, повторяет

опорные синтагмы или их элементы и движется дальше. В ДПР челночное движение наблюдается гораздо реже — приблизительно в 2,3 раза. Последнее связано с тем, что челночное движение плохо воспринимается на слух, поэтому используется драматургами преимущественно как характерологическое средство.

Еще одна особенность УРР — структурно-смысловой слом, когда говорящий "стирает" неудачный, с его точки зрения, блок и начинает новую фразу. Исследование показало, что подобное обилие "речевого брака" для ДПР не характерно.

В УРР наблюдаются двойные и трехкратные повторы синсемантической лексики: артиклей, предлогов, частиц, союзов и др. В ДПР преобладают повторы аутосемантической лексики: существительных, знаменательных глаголов и проч., т.е. слов, представляющих смысловую или эмоционально-оценочную доминанту высказывания.

В УРР также наблюдается обилие повторов двукомпонентных синтагм или двух элементов многокомпонентных. Для ДПР повторы двукомпонентных синтагм вообще не характерны.

Различные заполнители пауз в ДПР фиксируются в 2-3 раза реже, чем в УРР.

Итак, авторы англоязычных пьес стараются репродуцировать конечный, готовый продукт речемыслительной деятельности. В результате ДПР представлена в более "сглаженном" виде, чем УРР.

П.К. Мильшин /Пятигорск/

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ НОМИНАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

НОВЕЛЛИСТОГО ПЕРИОДА

/Тезисы сообщения/

1. Новое политическое мышление, результатом которого являются перестройка и гласность, создает новые объекты номинации в виде новых понятий, новых оценок ранее известных исторических и нравственных ценностей. Это находит выражение в создании различных языковых средств их обозначения.

Для реализации указанных номинативной и экспрессивной потребностей народа русский язык использует традиционные средства создания языковых знаков номинативного типа:

1/ аффиксации; 2/ аббревиатуры разных структурных типов; 3/ описательные наименования в виде устойчивых слов сочетаний; 4/ переосмысление ранее известных слов; 5/ иноязычные лексические заимствования.

Кроме того, происходит заметный процесс активизации лексики, бывшей в пассивном секторе словарного состава языка.

II. 1/ Аффиксация: незавершенка, напряженка, коллективизм, заорганизованность, компьютеризация, информатизация, дестабилизация, лауретизация /ирон./, сталинизм, неосталинизм, десталинизация, сталищина, ежовщина, бериевщина, ледовщина, зарубежье, отказники, глушилка, показуха, флудик, фарцовщик и др.

2/ Аббревиатуры разных структурных типов: самиздат, тамиздат /оказ./, спецхран, компромат, бомж, бич и др.

3/ Описательные наименования: новое мышление, правовое государство, телефонное право /неодобр./, безъядерный мир, народная дипломатия, круглый стол, европейский дом, неставные отношения, неформальное объединение, цивилизованный кооператор, социалистический плюрализм и др.

4/ Переосмысление ранее известных слов, в результате чего возникли новые значения: перестройка, гласность, оттепель, мост, неделя, афганец, крыша, кирпич, конвейер, архипелаг, прокол, шлейф, накопитель, пробить, пробивной, -ая, -ое и др.

5/ Иноязычные лексические заимствования: менеджер, спонсор, шоу, брифинг, маркетинг, бизнес, консенсус, рокет, рекетир, мафия и др.

Активизировались слова: благотворительность, благотворительный, -ая, -ое, милосердие, собранность, лицей, гимназия, акция и др.

III. В связи с перестройкой и гласностью получила права печатного слова на страницах периодической печати и в художественных произведениях литературы предметно-тематическая группа так называемой лексики различных словообразовательных типов. Но так как эта лексика по своему значению, обусловленному ее необычной предметно-тематической отнесенностью, стоит особо на фоне коннотированного словаря, то мы, в нарушение

принятой классификации по словообразовательным моделям, рассмотрим ее по признаку предметно-тематической отнесенности. Вот некоторые из слов этой группы: стукач, сексот, шизо, сыло, зэк/зек/, указник, указница, казровец, чсир, каналармеец, доходяга, гулаг, шмон, Слон, Алжир и др.

IV. Перечисленные номинации всех структурных и предметно-тематических групп принадлежат к разным экспрессивно-стилистическим пластам и функциональным стилям современного русского языка. Не все являются принадлежностью литературного языка, но все они несомненно факты русского языка и потому достойны внимания языковеда. Конечно, критерии культуры речи налагают определенные ограничения на их употребление. Многие из рассмотренных номинативных знаков останутся памятниками своего времени. И тем не менее "дело лингвиста выполнено, когда он обнаружил в языке игру социально-исторических сил и взаимодействий" И. Вандриес и предпринял попытку исследования некоторых внутренних механизмов образования знаков языковой номинации.

Н.И. Мостовой /Горловка/

О ФРАЗЕОЛОГИИ КОКНИ

1. Авторы исследования языка кокни Р. Барлтроп и Дж. Вулверидж утверждают, что главной особенностью этого городского полудиалекта является его особое положение среди других жаргонов и диалектов, поскольку он объединяет трудящихся различных профессий. Лишь только жизнь кокни отражает их жаргон - эпитеты .. иронию, сленг, который одновременно может быть пародией, эвфемизмом, жизнерадостной поговоркой, умаленной фонетической девиацией или преувеличенной ошибкой речи.

2. Язык кокни иногда пытается оличить ироничным употреблением или исключением звука [h] или несбыточными сокращениями типа ain't хотя эти явления и присущи кокни; это, прежде всего, диалектные образования, свойственные лишь жителям Ист-Энда. Внимания заслуживают шуточные обращения, противопоставленные чопорным мистер или миссис - mate, chum, cock, duck, love. В повседневной жизни почти каждая вещь, явле-

ние или событие имеют собственное название жаргонного типа. Для примера возьмем на ^{на} основании частей тела, кот ^{ые} обрели жаргонный оттенок среди кокни: eyes - mince pies; feet - plates of meat; hair - Barnet Fair; mouth - north and south; stomach - bread-basket; cheek - once a week /Rhyming Slang/.

3. В лексике кокни много заимствований из языков других народов. Собственно кокни себя считают потомками простолыдинов, которые в середине XIX века пришли из графств Эссекс, Суффолк и Хартфордшир в Лондон в поисках работы. Чуть позже с той же целью в Лондон прибыло большое количество ирландцев, русских и польских евреев, китайцев, а после второй мировой войны - индийцев, пакистанцев, африканцев, жителей Ямайки и др. Такая этнографическая смесь вызвала непредвиденные явления, связанные с вопросами образования, профессиональной подготовки, работы, расовой дискриминации. Отсюда появились такие названия, как Garkie, nigger, Jewboy, Pakky, Tallyan и др. Подобные прозвища имеют все представители трудящихся - рабочие заводов и фабрик, железнодорожники, грузчики, разнощики товара и т.д.

4. Особо следует отметить богатый жаргон, который лег в основу языка преступного мира англоязычных государств. Читатели-кокни разделяют замечание Олдоса Хаксли о том, что порядочный человек в полицейские не пойдет; профессия вора в равной степени не пользуется уважением среди кокни, однако они и не осуждают ее. Отсюда возникли такие жаргонные выражения, как tea leaf - thief; to nick, to lift, to swipe - to steal.

5. Наблюдения над лексикой художественных произведений свидетельствуют об остроумии таких наименований, как two-and-a-kick - монета в два шиллинга; smashails - проститутка; bounce - удачный случай; dukes - руки; a Jewish piano - кассовый аппарат в лавке; jam jar (a car) - автомобиль; lark - удача; rosy tea (tea) - чай. Вне Лондона язык кокни особенно не распространяется, а его носителя легко узнать как по фонетическим особенностям так и лексике, присущей этому слою населения.

ФУНКЦИИ СЛЕНГА КАК КОМПОНЕНТА СИСТЕМЫ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Определяя лингвистический статус сленга, мы исходим не только из системы данного явления как такового, но и из той более широкой лингвистической системы, в которую сленг входит как функциональный компонент. Система эта – просторечие и, шире, – разговорная речь. /Ср. Беляева – Хомяков 1985/.

Сленг – стилистически маркированная лексика, и его функции определяются оппозицией к нейтральному лексическому пласту. Все компонента разных языковых уровней в системе просторечия маркированы, поэтому функции любого элемента этой системы определяются оппозитивностью к нейтральной стандартной речи. Вот почему представляется релевантным выводить функции сленга из более широкой речевой системы – из системы разговорной речи.

Если разговорная речь – система, а сленг – ее компонент, то функции сленга являются производными от функций разговорной речи как системы, – эти функции мы называем системными. Из определения разговорной речи /см. Русская разговорная речь 1981; 57/ можно вывести следующие ее основные функции:

- 1/ обеспечения ситуации непринужденного общения;
- 2/ установление ролевых отношений между коммуникантами в виде неофициальных. Сленг как лексический компонент разговорной речи является маркером ситуации непринужденного общения и маркером неофициальных отношений между коммуникантами поэтому системной функцией сленга является функция лексического оформления неформальности ситуации общения и ролевых отношений.

Одновременно, являясь генетически одним из лексических пластов просторечия, сленг выполняет функции социолингвистические, информируя о социальном статусе, возрасте, поле, происхождении говорящих, и функции экспрессивные: эмоциональную и оценочную.

Основное отличие сленга от других лексических пластов заключается в его стилистических признаках. Сленг в разговорной речи выполняет особое стилистическое задание – вести

разговор в русле доверительного, интимного общения, где оба партнера коммуникации ощущают психологический комфорт, из чего проистекает желание блеснуть остроумием, склонность к словесной игре, шутке, словотворчеству.

Вопрос о мере адекватности изображенной в художественном тексте разговорной речи зависит, в частности, от художественной установки автора. Многие исследователи считают разговорную речь, отраженную в художественном тексте возможным источником изучения живой разговорной речи. При воспроизведении в художественном тексте явления живой разговорной речи сохраняют свои функционально-стилистические особенности, действующие в устной коммуникации, и приобретают дополнительные стилистические функции, поскольку помещены в другую функциональную сферу - контекст художественной литературы. Среди этих сугубо художественных функций сленга выделяются следующие: 1/ характерологическая; 2/ функция создания идиолекта; 3/ функция создания группового портрета; 4/ функция создания комического эффекта; 5/ текстообразующая.

Перечисленные художественные функции сленга в тексте реализуются не абсолютно самостоятельно, но в соотнесенности с системными функциями.

Л. А. Пономаренко . Дитомир/

ВИКТОРИАНСТВО И СУБСТАНДАРТНЫЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Королева Виктория /1819 - 1901 гг/ правила Великобританией с 1837 по 1901 год. О ее эпохе вспоминают обычно в связи с викторианским стилем архитектуры, мебели /с богатой резьбой и плюшевой обивкой/ предметами одежды /тесный корсет, турнир /и особенно с очень строгим моральным кодексом. Принято считать, что этот кодекс касался в первую очередь сексуальной воздержанности. Но это не совсем верно. Он распространялся и на поведение, манеры, умение владеть собой, отношение к религии и т.д. Образцовый викторианец всегда был чист, хорошо одет и был отменным блестящим строгих нравов.

В XIX веке масса англичан получила возможность достичь

уровня обеспеченности и экономической независимости, никогда ранее не доступного для простого народа. Для многих это означало не только увеличение дохода, но и довольно быстрое изменение поведения, направленного в сторону большей благовоспитанности. Появились книги о правилах поведения в обществе, особенно о манерах за столом, религиозных трактатов всевозможных типов, удовлетворявших запросы нуворшей. Они ценили преувеличенную изысканность, буржуазное изобилие и моральную удовлетворенность, основанную на убеждении, что богатство является наградой за добродетель, а бедность - наказание за проок. Между прочим нельзя сказать, что такие взгляды насаждались королевой Елизаветой /нетитулованным мелкопоместным дворянством/. Они вырабатывались самим средним классом, тягущимся к аристократии и их нравам.

Однако не все население соответствовало данному описанию. Многие были эксплуатируемыми, бедными, грязными, невежественными, неумелыми, отверженными, больными, вульгарными, безнравственными, распущенными, бесчестными и т.д.

Историки отмечают, что основной чертой социального развития указанного периода был ошутимый разрыв между низшими классами и быстро увеличивающимся средним классом. Последний старался быть непохожим на трудящихся. Особенно ошутимым было стремление отграничиться при помощи языкового барьера. Если рабочий непрестанно пересыпал свою речь вульгаризмом "bloody", то воспитанный англичанин произносил это слово только в экстремальных ситуациях. Выпадение звука [h] в таких словах, как, например, "hotel", "hat" считалось показателем принадлежности к низшим сословиям и было непозволительной погрешностью в устах викторианца, принадлежащего к среднему классу. Использование "низкого языка" было просто недоступным.

В свою очередь в поведении низших классов также наблюдалась тенденция к отдалению от вышестоящих, дабы не выглядеть ханкой, слабохарактерным, женоподобным /т.е. обладающим стрипцательными чертами, встречающимися преимущественно среди высших классов/. Это еще больше увеличивало расстояние между имущими и немущими. Подобную модель можно наблюдать в Великобритании и сегодня на низших социально-экономических уровнях. Последнее

частично объясняет сохранение вариантов нестандартного английского языка.

Нормы сексуального поведения, естественно, были включены в свод правил, которыми следовало неуклонно руководствоваться викторианцу, принадлежащему к среднему классу, особенно если это касалось девичьего целомудрия. Незамужние женщины, принадлежавшие к низшим слоям общества, считались сексуально свободными. Неосвященные браком союзы появились среди бедняков сразу же по достижении ими половой зрелости. Распушенность возникала как протест против социальной несправедливости. В результате она считалась таким же показателем принадлежности к низкому сословию, как и неряшливая одежда и соответствующие манеры. Для процветающих же викторианцев даже мысль о сожительстве вне брака была отвратительной. Неуместными в изысканном обществе были не только сексуальные интрижки, но и разговоры о них и соответствующий лексикон. У нижних слоев общества даже в смешанных компаниях ограничений по поводу запретных тем было мало, как и упоминаний о том, что подобает приличной девушке, а что нет. Как бы в противовес свободе низких сословий сформировался этикет процветающего среднего класса.

Нельзя сказать, что все представители среднего класса дотягивались до декламируемых ими норм, в связи с чем слово "викторианец" для многих содержит сильную коннотацию лицемерия.

Но как бы там ни было, викторианская эпоха сыграла заметную роль в создании и отпочковывании сленга в английском языке. Однако нельзя его наличие объяснить лишь последствием указанного периода времени. Нестандартные варианты языка существовали в Великобритании до викторианской эпохи. Существуют они и в других странах, не соприкасавшихся с Англией эпохи королевы Виктории.

ПРОБЛЕМА СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛЕКСИКИ

В последнее время в лингвистике и методике преподавания языка как иностранного значительно возрос интерес к изучению живой разговорной речи. Подобный подход представляется правомерным, поскольку в большинстве случаев конкретная языковая манифестация представляет собой своеобразный конгломерат стилей, для восприятия которого необходимо владеть средствами выражения, специфическими для различных сфер коммуникации, в том числе и сферы неофициального общения.

Многие языковедческие труды, исходя из целевой установки исследования, arbitrarily членят общенациональный язык на произвольное количество конституирующих его частных подсистем /субъязыков/, выделяемых по экстралингвистическим признакам речевых сфер общения. Наиболее глобальным является членение общенационального языка на литературный и разговорный субъекты.

Теоретически многоаспектность специфики любого субъекта /в том числе и разговорного/ должна проявляться в виде совокупности фонетических, морфологических, лексических и синтаксических отклонений от нейтральной области языка. Однако фактически степень активности единиц различных уровней в формировании специфики разных субъектов неодинакова.

Традиционное описание стилевой структуры языка осуществляется на основе изучения стилистического расслоения лексики и отражения его в словарях различных типов.

Следует подчеркнуть, что любое членение лексической системы языка является условным, тесно связано с историей развития языка, различно на разных этапах этой истории, а потому границы между слоями размыты, лабильны и открыты для взаимопроникновения единиц различных подсистем. Динамичность границ приводит на определенных этапах развития языка к изменению стилевого статуса части лексики. Определить какой-либо временной критерий или скорость подобных изменений практически невозможно, поскольку они зависят от целого комплекса внутриязыковых и экстралингвистических факторов.

Тем не менее, в каждом довольно узком синхронном срезе

более или менее стабильно можно вычленить подобную дифференциацию. Как всякая динамическая нормативная система состоит из ядра – неизменной части – и периферии – участков, где происходят изменения, – так и лабильная стилистическая система языка может в своей ядерной части рассматриваться как относительно устойчивая, а значит и способная получить относительно устойчивые дифференциальные признаки. Однако на практике предполагаемая устойчивость не достигается в силу arbitrarности дифференциации лексики в соответствии с задачами каждого отдельного исследования. Этим объясняется неоднородность критериев, отграничивающих различные пласты лексики.

С.Н.Серенко /Лятигорск/

О НЕКОТОРЫХ МОДАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ "DON'T WORRY" В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Роль побудительных высказываний в реализации коммуникативной функции языка исключительно велика. С помощью побуждения осуществляется воздействие на волю, чувства, разум собеседника с целью убеждения его к изменению его деятельности.

Грамматическое значение побудительного действия понимается широко. Это не только действие в собственном смысле этого слова, но и состояние. Следовательно, побудительные высказывания типа "Don't worry" – это воздействие на собеседника с целью убеждения его к изменению его состояния /психологического/.

2. В результате слухового анализа с аудиторами-носителями английского языка выявлены следующие модально-стилистические разновидности побудительного высказывания "Don't worry", функционирующие в различных экстралингвистических условиях /ведущими из которых являются отношения между говорящими, их социальный статус/:

Официально-деловой стиль:

1. Воздействие в волевом плане /по классификации С.П.Зализnjе/ – побуждение-приказ. Отношения между говорящими – вышестоящий – нижестоящий.

2. Воздействие в познавательном плане – побуждение-сообщение. Отношения между говорящими – вышестоящий-нижестоящий; равный- равный.

3. Воздействие в эмоциональном плане - побуждение-уверение /слабая степень/, побуждение-убеждение. Отношения между говорящими - нижестоящий-вышестоящий.

4. Смешанное воздействие - побуждение-предложение. Отношения между говорящими - равный-равный.

непринужденно-бытовой стиль:

1. Воздействие в эмоциональном плане - побуждение-уверение /нормальная степень, сильная степень/, побуждение-убеждение.

2. Воздействие в познавательном плане - побуждение-сообщение.

3. Просодическая организация выделенных модально-стилистических разновидностей побудительного высказывания "Don't worry" при их реализации в различных экстралингвистических условиях не является идентичной. Она имеет свои модификации и особенности формирования в зависимости от экстралингвистических условий.

Т.И.Сидоренко / Пятигорск /

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ "КАЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ЛИЦА" В АМЕРИКАНСКОМ ПРОСТОРЕЧИИ

1. Социальная природа языка находит свое выражение в его социальной дифференциации, в социальной информации языковых единиц разных уровней. Она проявляется себя в любой коммуникативной сфере языка и неразрывно связана с социальным расслоением общества.

2. Концептуальное поле "качественная оценка человека" как явление объективной действительности отражается в экспрессивном просторечии американского ареала современного английского языка как ономаσιологическое поле с определенной структурой и системой. Это поле включает в себя множество синонимов, определенное количество синонимических рядов и ономаσιологических группировок, среди которых выделяются центры синонимической и номинативной аттракции с особой прагматической значимостью их элементов в сфере бытового общения.

3. Ономаσιологические характеристики просторечных синонимов обусловлены особенностями семантической деривации, наличием в данном поле двух полярных полей этико-стилистической сниженности с отрицательной и положительной оценкой в квалификационном плане. Преобладание элементов с отрицательной оценкой - закономерное явление для экспрессивного просторечия американского варианта.

4. Семантическая деривация в сфере просторечной синонимии в основном опирается на метафорический перенос и его сочетания с другими приемами. Менее частотны смещения, синекдоха, апелляция, звуко-символика и звукоподражание. В целом эти приемы номинации не покрывают всего фактического материала, так как в ряде случаев просторечные синонимы не поддаются анализу и классификации.

5. Из-за преобладания элементов с отрицательной качественной оценкой лица /3,343 примера из 4,694/ антонимия здесь представлена очень узко. В этом состоит отличие просторечной антонимии от антонимии в литературном стандарте, где элементы с положительной качественной оценкой лица полностью покрывают все лакуны экспрессивного просторечия.

6. Все множество элементов данного поля распадается на однословные и расчлененные единицы номинации. По своим структурным особенностям они представляют собой стандартные корневые, сложные и производные слова, словосочетания и имена собственные /апеллятивы/, структурно-отменные и грамматически связанные образования, фразы, слова-слитки, сокращения и конверсивы.

Л.Н.Смирнов /Москва/

О МЕСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ИДИОМА В СТРАТИФИКАЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

I. В работах социолингвистического плана получило широкое признание положение о том, что национальный язык представляет собой не монолитное структурное образование, а горизонтально и вертикально расслоенную /стратифицированную/, иерархически организованную макросистему /диасистему/. Составляющие ее компоненты выделяются с учетом как собственно лингвистических, так и социально-коммуникативных, функциональных и территориальных критериев; иногда к этому добавляется индивидуальное расслоение /М.Радованович/, то есть выделяются так называемые идеолекты, отражающие специфические речевые характеристики отдельных представителей данного языкового коллектива.

2. В современном славянском языкознании проблема стратификации национального языка привлекает пристальное внимание исследователей. На материале западнославянских и южнославянских языков разработаны различные схемы /модели/ их членения /В.Барнет, А.Едличка, И.Горецкий, С.Утешены, Г.П.Нешименко, З.Клеменевич, С.Урбанчик, А.Фурдаль, д.Брозович, М.Радобанович и др./.

При этом выделяются как структурные, так и неструктурные /функциональные, вариативные/ образования /"формы существования языка", "идиомы", "разновидности языка", "формации", "лингвемы", "функциональные стили" и т.п./, в той или иной мере автономные, но тесно связанные друг с другом.

3. Важное теоретическое и практическое значение имеет глубокое осмысление места, функциональной и социальной роли литературного языка в арсенале коммуникативно-языковых средств данного национального коллектива. В различных языковых ситуациях, характерных для того или иного социума, а также на разных этапах исторического развития конкретного национального языка литературный идиом может занимать неодинаковое место в макросистеме. Об этом свидетельствует и материал славянских языков, сопоставительный социолингвистический анализ которых позволяет обнаружить в этом плане определенные сходства и различия.

4. В стратификационных моделях национального языка обычно выделяются два полюсных образования: литературный язык и территориальные диалекты /иногда литературному языку противопоставляется более широкий комплекс нелитературных формаций, который в свою очередь подразделяется на ряд более частных идиомов и вариативных образований /. Между этими полюсами располагаются другие разновидности данного национального языка. Их набор, а также соотношение друг с другом и с литературной формой в отдельных языковых ситуациях могут не совпадать. Литературный язык обычно рассматривается как самый важный компонент макросистемы, наиболее развитый в структурном отношении и имеющий приоритетное значение в общественно-культурной жизни нации.

5. В некоторых новых концепциях литературного языка, опирающихся на теорию социальной коммуникации и учитывающих

новые черты современной языковой ситуации в ряде национальных сообществ, diminishing роль литературной формации ставится под сомнение, иную трактовку получает ее место в макросистеме национального языка. Порой выдвигается, на наш взгляд спорный тезис, что "основным признаком данного коммуникативного сообщества... становится не литературный, а национальный язык" /Я.Горецкий/. Думается, что в известной мере подобные переоценки связаны с тем реальным фактором, что во многих современных языках /в том числе и славянских/ необычайно возросло влияние разговорной речевой стихии на языковую коммуникацию данного социума. Разного рода нелитературные разговорные средства интенсивно взаимодействуют с литературным языком, активно вторгаясь даже в традиционные сферы его преимущественного использования. Благодаря этому могут возникать своеобразные смешанные формации, которые характеризуются, в частности, меньшей или большей мерой отклонения от литературной нормы. При этом они, как и литературная формация, достаточно широко используются различными социальными слоями нации. В некоторых коммуникативных сферах они явно преобладают. В стратификационной схеме современного словацкого национального языка, разработанной Я.Горецким, подобная ситуация нашла свое отражение в выделении наряду с "литературной формой" "стандартной формы" и "субстандартной формы" /заметим, что здесь термин "стандартный" имеет иной смысл, чем в концепции Д.Брозовича; он обозначается такая форма национального языка, которая применяется в повседневном общении и в которой наряду с элементами литературного идиома используются элементы нелитературные, диалектные. Соответственно "субстандартная форма" является образованием более низкого ранга, в ней в еще большей степени выступают диалектные и профессиональные элементы /.

6. Проблема соотношения литературного идиома и других разновидностей данного национального языка, особенно различных типов нелитературной разговорной речи несомненно нуждается в дальнейшем изучении на материале разных современных языков. Необходимо выяснить, в частности, может ли наблюдаемая "экспансия" нелитературных разговорных средств вести к снижению

функционально-коммуникативной роли литературного языка /к ограничению сфер его применения, падению общественно-культурного престижа, "замораживанию" или даже сужению социальной базы его носителей/. Все это важно не только в плане развития теории литературного языка и разработки адекватных моделей стратификации определенных национальных языков, но также и в аспекте теории и практики языковой культуры.

С.В. Смирнова /Бологда/

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И КОРПОРАТИВНЫЕ ЖАРГОНИЗМЫ

В ПЛАНЕ ДИАХРОНИИ

1. Процесс внутренних взаимодействий в английском языке имеет глубокие исторические корни. Мы рассматриваем словарный состав английского языка как структурно организованное целое, отмечая, однако, относительную свободу его компонентов. Такая трактовка словарного состава позволяет принимать во внимание социальную стратификацию общества и прагматическую направленность речевых актов, которые и обуславливают не столько стабильность, сколько динамику лексики.

2. Нестандартная лексика /лексическое просторечие/ является равноправным компонентом английского языка и формируется под воздействием различных тенденций языкового развития. /Под лексическим просторечием в данной работе понимается сложная лексико-семантическая категория, представляющая совокупность социально детерминированных лексических систем /жаргоны, аргы/ и стилистически сниженных лексических пластов /сленгизмы, вульгаризмы и "низкие" коллоквиализмы/¹. На наш взгляд, нестандартная лексика является наиболее подвижным и неустойчивым компонентом языка, тем самым активно участвуя в пополнении словаря литературного стандарта. Докажем это на примере анализа профессиональных и корпоративных жаргонизмов, извлеченных из словарей просторечия наиболее известных лексикографов XIX века Д. Хоттена и Шармера-Хенли².

3. Как известно, профессиональные системы не входят в просторечие, однако слова с насмешливой или иронической коннотацией существуют в каждой профессии. Они выступают как

профессиональные жаргонизмы. По классификации, предложенной В.А.Хомяковым, все жаргонизмы подразделяются на профессиональные и корпоративные³. Примем данное определение жаргонизмов и покажем, как профессиональные и корпоративные жаргонизмы, зафиксированные Д.Хоттенем и Фармером-Хенли, пополнили фамильно-разговорную речь английского языка.

4. Мы проследили путь 21 профессионального и 9 корпоративных жаргонизмов извлеченных нами из словаря Д.Хоттена /1859г./ Перед каждым из них три пути: 1/ проникновение в фамильно-разговорную речь; 2/ выход из сферы употребления; 3/ дальнейшее функционирование в жаргоне. Итак, мы установили, что из 21 профессионального жаргонизма 13 являются сейчас элементами нормы первого уровня:

- 1/ *Shut, to throw or turn aside* /Tailor's/;
- 2/ *Swearing trade, a very successful business* /Shopkeeper's/;
- 3/ *U.S., United Presbyterians* /Clerics/;
- 4/ *He has cut his eye-tooth, he is sharp enough* /Stable's/;
- 5/ *Toucher, "as near as a toucher", as near as possible* /Coachman/;
- 6 из них функционируют на правах коллоквиализмов:
- 1/ *Booked, caught, fixed, disposed of* /Book-keeping/;
- 2/ *Stiff'un, a corpse* /Undertaker's/;
- 3/ *Distoes, a suit of the same materia* /Tailor's/;
- 4/ *Stab, "on the stab", on the establishment* /Printer's/ и др.

/Следует отметить, что 10 из 13 данных жаргонизмов перешли в литературный стандарт, не расширив и не изменив своего значения/. 4 из 21 профессиональных жаргонизма остались элементами просторечия:

- 1/ *Blow, a rapscallion, rascal* /Cook's/ — эти два не изменили значения/.
- 2/ *a Nove-bad, a porter at a country house... Who carries his victuals* /Water-carrier/;
- 4/ *Quodeger, a corruption of the Latin phrase quo jure? by what law?* /Legal/ — расширили свои значения/.

еще 4 жаргонизма вышли из употребления:

- 1/ *Fealed, thrown down the horse* /Horseman/.
- 2/ *Ribbon, gin or other spirits* /Servants' /.
- 3/ *Specks, damaged specimens* /Dealer's/.
- 4/ *Swabby head, a man who swabs* /Cleric/.

Из 9 корпоративных жаргонизмов, по нашим наблюдениям, 3 вышли из употребления:

- 1/ Dick, abbreviation of "Dictionary" /School/.
- 2/ Teeth-drawing, wrenching off knockers /Medical Students'/.
- 3/ Scrah-raiser, a drummer in the army /Military/.

Одно слово больше не зарегистрировано ни в одном другом словаре просторечия: Rouleau, a packet of sovereigns /Gaming/.

3 вошли в литературный стандарт, изменив свои значения:

- 1/ Relieving officer a significant term for a father /University/.
- 2/ Put the pot on, to put too much money upon one horse/
- 3/ Stumped, bowled out, done for, bankrupt /Cricketing/.

а 2 остаются жаргонизмами:

- 1/ Monker, £ 500 /Among Stockbrokers/ /Civic/.
- 2/ Ruck, the undistinguished crowd 3/Racing/.

Таким образом, из 30 проанализированных профессиональных и корпоративных жаргонизмов 16 вошли в разговорную речь /13+ 3/, некоторые на правах коллоквиализмов - 11 /8+3/; вышли из употребления 8 слов /4+3+1/; остались элементами просторечия 6 жаргонизмов /4+2/.

5. Из словаря "Сленг и его аналоги" Фармера-Хенли мы проанализировали 53 профессиональных и 26 корпоративных жаргонизмов. Результаты исследования следующие: из 53 профессиональных жаргонизмов 27 вышли из употребления /и 6 больше не зарегистрированы ни одним словарем/ Вошли в литературный стандарт на правах коллоквиализмов 11, среди них: 1/ A.B.S., an able-bodied seaman /Commercial/; 2/ Bart's an abbr. of St. Bartholomew Hospital /medical/; 3/ Prosit. a Salutation in drinking - "Your Health" /Academical/; 4/ Fifteener, a book printed in the 15-th century /Bibliographical/; 5/ Wheeler, a horse driver in shaft or ment to wheels /Stable /; 6/ run-down, the bridge between stage and auditorium /Conjuror's/ и другие.

9 слов функционирует как жаргонизмы, среди них:

- 1/ Babe, the last elected member of the House of Commons /Parliament/;
- 2/ Dand D, drunk and disorderly /A common police charge/;
- 3/ Weende, a warning that an inspector is coming /Telegraph/;
- 4/ Sergeant-major, a fat loin of mutton /Butcher's/;

5/ Beong, a shilling /Coster's /

и другие.

Из 26 корпоративных жаргонизмов 13 вышли из употребления /+3 не зарегистрированы больше ни одним из словарей/.

Вошли в литературный стандарт 7, среди них:

1/ Big Country, an open country /Hunting, ;

2/ Meetinger, a chapel-goer /Non-conformist/;

3/ Alley, ally, alay, a superior kind of marole /School-boys'//.

Остались жаргонизмами 3:

1/ Accumulator, a better carruing forward... /Racing, ;

2/ Little-side, a term applied to games between houses /Rugby/;

3/ Hold out, playing cards secretly held out of a deck /Lamb - ling/.

Таким образом, из 79 профессиональных и корпоративных жаргонизмов словаря Фармера-Хенли:

вошли в разговорную речь 18 слов /II+7/; вышли из употребления или больше не зарегистрированы 49 жаргонизмов /33+16/; остались элементами просторечия 12 /9+3/.

6. Все сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1/ Жаргонизмы как элемент лексического просторечия - очень подвижный элемент лексической системы английского языка.

2/ Семейно-разговорная речь значительным образом пополняется за счет неологизмов - бывших профессиональных и корпоративных жаргонизмов.

3/ Примечателен факт сохранения первоначального значения жаргонизма в семейно-разговорной речи.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Т.М.Беллева, В.А.Хомяков. Нестандартная лексика английского языка. -Л., 1966. - 136с.
2. Hotten G.C. The Slang Dictionary.- L.,1869 /1865/.
Farmer J.S., Henley W.S. Slang and its Analogues...- L., 1890-1904.

3. В.А.Хомяков. Введение в изучение сленга - основного компонента английского просторечия. -Вологда, 1971.- 97с.

Д.А.Стрекалов /Ессентуки/

АНГЛИЙСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ РЕЧЕНИЯ /ГФЕ/ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Цель исследования - рассмотреть ГФЕ различных структур в социалингвистическом аспекте. Эмпирическим материалом послужила сплошная выборка ГФЕ из "Англо-русского фразеологического словаря" А.В.Кунина /более 7500 примеров/.

Интересным представляется выявить особенности ГФЕ в зависимости от ситуации общения с учетом целей коммуникации, от темы общения, в отдельных случаях от возраста, образования, рода занятий коммуникантов.

Планы английского вокабуляра можно представить как две основные социальные, стилистико-функциональные разновидности живой разговорной речи. Первую разновидность следует отнести к литературному стандарту. Вторую разновидность подводим под термин просторечье, которое рассматриваем как норму второго уровня. Здесь также можно выделить вульгаризмы - ГФЕ с вульгарной экспрессией, неприличные и нецензурные формы, с основной эмотивной функцией. Заметим, что фразеологизмы - вульгаризмы употребляются вне зависимости от социального положения, профессии, возраста и иногда даже пола. Таким образом ГФЕ различаются нормативно, ситуативно и стратификационно однако, социальную детерминированность в отборе и употреблении английских ГФЕ не следует понимать прямолинейно как соотношение конкретных ГФЕ с отдельными общественными классами. Одна и та же ГФЕ может употребляться в речи низших, средних и высших слоев общества. Четкой границы между литературными ГФЕ и просторечными не существует. Этим объясняется несовершенство функционально-стилистических помет в справочных пособиях.

Семантический анализ ГФЕ позволяет объединить их в определенные семантические группы. Под семантической группой понимается объединение ГФЕ, обладающих заданным фразеологической системой сходством фразеологического значения в

пределах фразеологизмов глагольного типа. Если рассматривать отдельно каждую семантическую группу на уровне макросистемы, то это позволяет более точно определить общий семантический стержень, т.е. общий инвариант и семантические дифференциальные признаки отдельных значений внутри каждой группы.

При рассмотрении семантических особенностей просторечных ФЕ, сравнительно-сопоставительный анализ по словарным дефинициям, позволил выделить синофразеологизмы и монофразеологизмы.

Синофразеологизмы – это релятивные единицы, социально, профессионально или стилистически отмеченные синонимы к словам и словосочетаниям литературного стандарта. Монофразеологизмы – это номинативные единицы, которые обозначают специфические, эмоционально окрашенные действия, для передачи которых в литературном стандарте требуется описательное толкование. Этот факт свидетельствует о сложном способе номинации таких ФЕ.

ФЕ можно разделить на структурно-отмеченные и структурно-неотмеченные. Как те, так и другие могут состоять из двух, трех и более компонентов, а также могут быть представлены целыми предложениями.

И.П.Сусов /Калужин/

ГОВОРЯЩАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИНГВОСОЦИАЛЬНОМ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ

1. Знаменательно обращение новейшей лингвистики, после длительного периода занятий языком в имманентно-системном, внутривидовом измерении, а также в лингвопсихологическом, опять-таки имманентном, но уже по-другому, в рамках речемыслительной деятельности самого индивида, где одним из пределов оказывается "код мозга", а другим – звуковой, национальный код, к исследованию языка в его более широком контексте. Здесь на сегодня явно противопоставляются социолингвистический и прагмалингвистический подходы.

2. Социолингвистическое приближение к сущности языка как общественного, социального феномена необходимым образом ставит вопрос о вариативном характере языковой общности /в этни-

ческом, хозяйственном, сословном, профессиональном, половом, возрастном, конфессиональном и прочих измерениях /и, соответственно, о вариативном характере языкового кода, обслуживающего данную языковую общность. Устанавливаются корреляции между двумя варьирующими величинами. Одну из них именовать социумом, как это уже делается в специальной литературе, а другую - социолектом. Общество в целом состоит реально из ряда пересекающихся в своих границах социумов, а язык в целом включает в себя ряд пересекающихся социолектов. Языковая личность включена в один или несколько социумов и владеет одним или несколькими социолектами. В истории одного и того же общественной образования и одного и того же языка постоянно имеет место реструктурирование общественных и языковых формаций и обоюдосторонних связей между ними.

3. Прагмалингвистическое объяснение языкового феномена соотносит друг с другом наборы коммуникативно-прагматических пространств /речевых ситуаций, включающих роли говорящего и слушателя, характеристики времени и места коммуникативного акта для говорящего и слушателя, цели говорения, как и наборы целей каждого из коммуникантов, правила согласования этих целей в рамках кооперативного принципа, правила передачи роли говорящего от одного коммуниканта другому и т.п./, с одной стороны, и набора языковых структур /типов речевых актов, речевых шагов, речевых ходов, целых коммуникативных образований/, предполагающих также и набор ментальных структур /в первую очередь пропозициональных, пресуппозициональных и импликационных/, обеспечивающих целенаправленность, целесообразность и уместность, а также успешность и удачность коммуникативных действий каждого из партнеров по коммуникации.

4. Говорящий субъект - не просто производное от социального пространства. Он и его СУБЪЕКТ. Тем более, говорящий - это СУБЪЕКТ коммуникативно-прагматического пространства, которое он создает и контролирует. Социальное пространство более устойчиво, а коммуникативно-прагматическое пространство постоянно меняется. Оно в какой-то степени ступитя в

зависимости от социального пространства, так что можно прагматически и семантически изучать каждый из социолектов в отдельности. Но ни один тип коммуникативно-прагматического пространства не имеет своего "лекто".

Д. В. Техничков /Пятигорск/

О ВОЕННОМ ЖАРГОНЕ "АФГАНЦЕВ"

1. Попадая в трудные экстремальные условия, человек подсознательно стремится свести необычное в своем окружении до уровня обыденного, изобретая для этого необычного новые названия либо применяя к нему слова из своей прошлой "нормальной" жизни. Война, боевые действия, и даже просто армейская жизнь со своими опасностями, физическим и эмоциональным напряжением, стрессовыми ситуациями и, одновременно, с особым духом близости людей, общности дел, проблем и интересов является идеальной средой для создания неологизмов, некоторые из которых проникают в общенациональное экспрессивное просторечие, а затем и в литературный стандарт. Военный жаргон мировых воин. боевых действий в Корее и Вьетнаме активно изучался зарубежными лингвистами, у нас же изучение аналогичных неологизмов практически не велось, хотя, несомненно, они представляют значительный интерес для языковедов.

2. Война в Афганистане вызвала к жизни большое количество новых слов и выражений. Некоторые из этих жаргонизмов проникли и в общеармейский сленг, в язык прессы, получили общенародную известность и, по-существу, потеряли свою локальную детерминацию, хотя по-прежнему ассоциируются с этой войной вследствие своей экстралингвистической соотношенности /"дух" - душман; "черный тильман" - самолет, перевозящий гробы/. Однако большинство "афганских" жаргонизмов не получили столь широкого распространения. Некоторые из них, возможно, войдут в общевойсковой сленг, но большинство очевидно, исчезнут из уст.

3. По своей номинативной наполненности рассматриваемые жаргонизмы можно разделить на две группы: I/ Сленгизмы, обозначающие специфические явления афганской войны и быта наших войск в Афганистане; II/ Жаргонизмы обозначающие объекты и явления.

свойственные армейской жизни, безотносительно к месту дислокации войск. Для создания жаргонизмов I группы обычно используется местная, афганская /~~дешев~~/ лексика /бурбахайка" - большие грузовые машины, раскрашенные в яркие цвета по местной моде; "боча" - афганский мужчина; "ханумка" - женщина /, однако в большинстве случаев используется русская основа/ "зеленка" - небольшая рощица или группа деревьев, кустов, которая может служить для укрытия неприятеля; "бородатый" - душман, "пакистанка" - теплая куртка на меху/. Незнученность общевойскового сленга, также достаточно распространенного в советских воинских частях в Афганистане, затрудняет выделение жаргонизмов второй группы, т.к. характер денотатов в этом случае не позволяет однозначно установить принадлежность единиц именно к "афганскому" военному жаргону.

4. Метафора и метонимия, также как и других слоях просторечия, являются здесь наиболее продуктивными путями создания новых жаргонизмов. При этом используются все стандартные варианты: взаимоотношения части и целого, содержимого и контейнера, места производства и продукта, перенос по внешнему сходству, по функции и др. /"колеса" - автомашина без брони; "керосин" - автоцистерна; "итальянка" - мика итальянского производства; "крокодил" - вертолет Ми - 26./

Г.Д.Томакин /Москва/

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:

ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

I. Лингвострановедение как новое направление лингводидактики и лингвистики начало складываться относительно недавно, с конца 60-х - начала 70-х годов, хотя лингвострановедческий подход к явлениям языка уже давно применялся в практической деятельности преподавателей иностранных языков, понимавших необходимость сопоставления понятий изучаемого языка с родным. В своем развитии лингвострановедение, сложившееся на базе русистики /при определении методических принципов преподавания русского языка как иностранного /РКИ/, прошло путь от общего страноведения к собственно лингвистическому

страноведению /обучению элементам культуры через язык и в процессе обучения языку/, нисколько не посягнув на общее страноведение, которое в виде лекций и семинаров может проводиться и на изучаемом, и на родном языке учащихся.

2. Несмотря на определенные успехи, достигнутые лингвострановедением как отраслью контрастивной семасиологии изучающей единицы языка - объекта во всей полноте их значения по денотату, коннотату и фону /Г.Д.Томакин, 1984/, до сих пор в среде лингвистов и методистов бытует представление о лингвострановедении как о методе обучения, при котором изучается культура другого народа безотносительно к конкретным языковым единицам. При этом иностранный язык рассматривается как общеобразовательный учебный предмет, он "служит дополнительным окном в мир" /Л.И.Бим, 1989/, средством "приобщения учащихся к прогрессивной культуре страны изучаемого языка" /Н.Д.Гальскова, А.Д.Горчев, З.Н.Никитенко, Э.И.Соловьева, 1989/.

Культура изучаемой страны, а не семантика языковых единиц рассматриваются в качестве основного объекта страноведения - лингвострановедения и ведущими специалистами, занимающиеся этими проблемами на материале русского языка как иностранного; языковые единицы рассматриваются ими как источники страноведческой информации /И.Д.Зиновьева, Л.С.Дуравлева, И.А.Гурицкая, Н.В.Кулбина, Е.Л.Федорова/.

Однако, овладение иностранным языком в нашем представлении ставит своей задачей коммуникативную компетенцию, прежде всего понимание оригинального иноязычного текста и речи собеседника - носителя языка во всей полноте ее содержания, включая аллюзии, намеки, подтекст, которые характерны для функционирования языка в естественных условиях общения внутри социотического коллектива. В этом отношении лингвострановедение выступает как направление лингвистики и лингволиластики, изучающее культурные аллюзии /

/Отсутствие или недостаточность лингвострановедческой компетенции особенно затрудняют адекватность восприятия в межкультурной коммуникации.

Национально-культурной семантикой обладает прежде всего номинативные лексические единицы, фразеологизмы и клише речевого этикета. В числе лексических единиц это прежде всего названия реалий /обозначения предметов и явлений характерных для одной культуры и отсутствующих в другой/, коннотативная лексика /слова совпадающие по денотату, но различающиеся по культурно-историческим ассоциациям/ и фоновая лексика, обозначающая предметы и явления, в основном совпадающие слова в сопоставляемых языках в своем предметном содержании, но имеющие какие-либо национальные особенности функционирования, формы, предназначения предметов, обозначаемых данными словами.

Денотативные реалии лежат на поверхности языка и культуры, в некоторых языках достаточно хорошо изучены /См.Томакин Г.Д., 1988/, плодотворным представляется методы выявления реалий путем определения лагун /См.Сорокин В.А., 1988/.

Не проводилось системных сопоставительных исследований /кроме сопоставления тематических групп и отдельных слов/ коннотативной лексики, хотя, как показывают исследования только топонимических пластов /См.Томакин Г.Д., 1982/ здесь масса ценнейшего лингвострановедческого материала, буквально насыщено национально-культурными ассоциациями, актуальными в массовом быденном сознании носителей языка и безусловно присутствующими в их фоновых знаниях, что очень важно для коммуникации.

3. Метод сличения лексических фонов слов сопоставляемых языков позволяет выделить достаточно большой массив прежде всего номинативной лексики, различающейся по фону при полном или частичном совпадении денотатов /См.диссертационное исследование К.Г.Андрейчиной НРБ, 1977/.

4. Изучение фоновой лексики на материале сопоставления изучаемого языка с родным находится на самом начальном этапе. Здесь можно назвать только методологические исследования К.Г.Андрейчиной /1977/, не говоря уже об основополагающих работах Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова 1980, 1983 и лингводидактическое применение этого метода в диссертациях И.Вуйович /ВНР/ 1979 и Э.И.Тамм /1981/ и отдельные наблюде-

ния на материале различных языков /См. например, Миньяр-Белоручев Д.К., 1975/.

5. Для лингвострановедения большой интерес представляет фразеология и единицы афористического уровня, которые в силу своей общезвестности могут использоваться в аллюзиях, сравнениях, часто в усеченной форме. Без знания их значений и употреблений в современном языковом общении невозможно понимание текста.

6. Лингвострановедение ставит своей задачей также изучение речевого этикета /См. Н.И.Формановская, 1982/, который находит свое отражение в пособиях по изучаемым иностранным языкам.

На пути лингвострановедения еще масса нерешенных проблем: отсутствуют описания культур, удовлетворяющие запросы лингвострановедения как аспекта преподавания иностранных языков, фоновые знания носителей сопоставляемых языков и культур не определены и не описаны, сопоставительная лингвистика пока еще слабо обеспечивает потребности лингвострановедения, единиц языка с национально-культурной семантикой в общем массиве сопоставляемых языков пока еще не выделены, остро ощущается необходимость в лингвострановедческих учебных пособиях и словарях.

С.С.Хидекель /Москва/, В.И.Перебийнос /Киев/,
И.С.Кесельман /Москва/

ВАРИАНТЫ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА И НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

I. Изучение любой системы предусматривает также и анализ вариативности составляющих систему элементов. В языкознании большое внимание уделяется установлению вариантов на уровнях фонемном /аллофоны/, морфемном /алломорфы/ и лексико-семантическом /ЛСВ/. Вариативности же словоизменительных форм /аллоформам/ до сих пор уделялось недостаточно внимания. Между тем важность аллоформ определяется не только их значением для характеристики функционирования системы языка ч ее социальной стратификации, но и для прогнозирования

путей ее развития, так как именно аллоформы являются источником возникновения новых форм в системе словоизменения. Особенно это касается глагола, обладающего в английском языке наиболее развитой словоизменительной системой.

2. Практически каждая словоизменительная форма глагола имеет множество аллоформ, отличающихся друг от друга составом элементов и порядком их следования, но имеющих общее грамматическое значение.

3. Аллоформы подразделяются на регулярные и нерегулярные. Регулярные исчисляются по заданным дифференциальным признакам и представляют собой устоявшиеся элементы словоизменительной системы глагола, характеризующиеся значительной употребительностью в текстах. Нерегулярные аллоформы - это спорадические образования, которые считаются отклонениями от нормы, обусловленными неграмотностью говорящего или его принадлежностью к определенной социальной группировке носителей язык.

4. Статистическое обследование большого массива текстов показывает, что регулярные аллоформы употребляются с относительно высокой частотой не только в художественных, но и научных и политических текстах, тогда как нерегулярные имеют хождение лишь в художественной прозе и драме; в речи персонажей, то есть при отражении устной речи.

5. Если учесть, что возникновение новых форм происходит именно в устной речи, то изучение нерегулярных аллоформ представляет особый интерес. Нерегулярные аллоформы делятся на две группы: варианты фонетические, обусловленные особенностями произношения говорящего, и варианты, обусловленные ненормативным выбором грамматических форм. Употребительность аллоформ второй группы выше и иногда приближается к употребительности аллоформ регулярных. Такие аллоформы заслуживают особого внимания и статического изучения их функционирования в текстах различных стилей и жанров.

РЕДУПЛИКАЦИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПРОСТОРЕЧИИ

Редупликация как способ создания выразительности лексики прежде всего за счет ее необычной структуры и звуковой формы чрезвычайно характерна для экспрессивного просторечия английского языка. То, что редупликаты создаются в сфере просторечия, не случайно. Стилистически маркированный словообразовательный прием отвечает главной установке нестандартного речетворчества – привлечению внимания адресата, новизне формы, емкости и непредсказуемости содержания.

За счет существующего дефицита экспрессивных средств в литературном стандарте редупликаты часто заимствуются и надолго оседают в нейтральном слое языка.

Американское экспрессивное просторечие характеризуется большим разнообразием редупликативных образований в сравнении с аналогичной подсистемой британского варианта языка.

Остановимся на некоторых особенностях просторечных редупликативных прилагательных.

Принято делить редупликаты по наличию /отсутствию аблаута/. Среди прилагательных – редупликативов американского просторечия преимущественный перевес в сторону единиц без аблаута. Выделяем такие редупликаты в группы:

а/ редупликаты с чередованием согласных в первом и втором компонентах, они составляют наиболее обширную группу.

Например, teasy-weasy-very small; hanky-panky-trickery; skirty-flirty-and all girls; bow-wow-beautiful, perfect, remarkable; hippy-hippy-worthless, no good, flimsy; wimpy-rimpy-feeble, average;

б/ редупликаты, оба компонента которых идентичны. Например: fifty-fifty-roughly; the same or equal;

boo-boo-cry (laughter), dim-dim-excellent, first-rate; sup. of food.

в/ редупликаты, один из компонентов которых осложнен конечной гласной. Например: bossy-boss-religious, virtuous, good; nice-nice-pleasant, affect nice-компоненты

редупликативов этой группы могут различаться еще и чередованием согласных. Например: rooty-toot-oldfashioned, corny; risky-tick-of musical rhythm or tempo: even, repetitive, monotonous, risky-dink-old-fashioned or trite.

Уже отмечалось, что редупликация с аблаутом на материале просторечных прилагательных возникает редко. В основном наблюдается чередование /i/-/ɛ/, /i/-/ɔ/. Например: skamble-skamble-disorderly, in confusion; wiggle-waggle-vacillating; wibbly-wobbly-unsteady; swishy-swashy-irresolute, undecided.

Представляется, что редупликация без аблаута дает более широкие возможности для создания все новых редупликативов. Были проиллюстрированы наиболее распространенные, но далеко не все случаи редупликации просторечных прилагательных.

Редупликация - это не единственный в рамках просторечия прием создания отмеченных в структурном плане единиц. В числе образований со стилистически маркированной формой назовем лексемы с искажениями и отклонениями от литературной орфографии, а зачастую слова чисто-просторечной природы, не зафиксированные в литературном словаре: аббревиатуры; единицы рифмованного сленга; просторечной апелляции и др.

В. А. Хомяков /Лятигорск/

КОМПОНЕНТЫ ПРОСТОРЕЧИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ МАКРОСИСТЕМЫ

1. Термин "просторечие" как родовой термин, видимо, несколько абстрактен и многозначен, что вызывает его различное толкование лингвистами и филологами широкого профиля. Обширная научная литература по просторечию в отечественном и зарубежном языкознании крайне противоречива, существуют взаимоисключающие концепции и теории.

2. На мой взгляд, следовало бы отказаться от употребления этого термина без уточняющих его детерминантов. В первом приближении можно выделить, по крайней мере, такие виды, или разновидности просторечия как /а/ лексическое экспрессивное просторечие, /б/ социально-профессиональное просторечие, /в/ внелитературное, или грубое просторечие, /г/ ласальное,

или территориальное просторечие, /д/ городские говоры или полудиалекты.

3. Лексическое экспрессивное просторечие – это своеобразный общеизвестный интердиалект, социально–профессиональное просторечие – конгломерат социолектов и профессионально–корпоративных жаргонов, внелитературное или «рубое» просторечие – интердиалект малограмотных или неграмотных людей /фонетические, грамматические, лексические «отклонения» от нормы литературного стандарта/, локальное или территориальное просторечие характерно наличием диалектизмов, наконец, городские говоры или полудиалекты – это особые с социально–этнические говоры типа лондонского «кокни», ливерпульского «скауз», негритянских говоров Нью–Йорка и Нового Орлеана.

4. Следует подчеркнуть, что изолированные, «чистые» виды просторечия вряд ли существуют, поэтому данная классификация, как и всякая другая, носит несколько абстрактный характер. Так, например, в говорах всегда можно найти элементы внелитературного просторечия, профессиональные и корпоративные жаргонизмы, арготизмы и, конечно, элементы экспрессивного просторечия.

5. Рассматривая компоненты просторечия – виды и разновидности, необходимо четко различать микросистемы просторечия и лексико–фразеологические пласты просторечного вокабуляра. На англоязычном материале выделяются такие пласты как «низкие» коллоквиализмы, общие сленгизмы, корпоративные и профессиональные жаргонизмы, арготизмы /кэнтизмы/ и вульгаризмы. Все они выполняют определенную социально–стилистическую роль в речевом общении, имеют определенные социально–стилистические временные и пространственные границы.

6. «Низкие» коллоквиализмы понимаются как пласт обиходно–бытовой лексики и фразеологии с общей экспрессией и основной коммуникативной функцией. Под термином «общая экспрессия» понимается шутивно – ироническая экспрессия, качественно отличная от пейоративной и вульгарной. «Низкие» коллоквиализмы, с одной стороны, граничат с коллоквиализмами, характерными для литературного стандарта, с другой стороны, –

с общими сленгизмами. Они как бы находятся на границе между литературным стандартом и экспрессивным просторечием. Как правило, "низкие" коллоквиализмы общеизвестны и общеупотребительны.

7. Общие сленгизмы понимаются как пласт обиходно-бытовой лексики и фразеологии с пейоративной экспрессией и основной эмоциональной функцией. Общий сленг как лексико-фразеологический пласт просторечия имеет ряд отличительных черт: /а/ широко распространен и понятен для всех социальных групп общества, ни локально, ни социально не ограничен; /б/ имеет ярко выраженный эмоционально-оценочный характер с преобладанием эмоциональной функции над коммуникативной /констатации над денотацией/; /в/ относительно устойчив для определенного периода, хотя общие сленгизмы легко переходят в коллоквиализмы, а также исчезают из узуса; /г/ не однороден по своему генетическому составу, будучи образован из различных источников; /д/ неоднороден по степени приближения к литературному стандарту; /е/ отличен функционально от жаргонизмов, арготизмов и вульгаризмов.

8. Жаргонизмы бывают профессиональные и корпоративные. Профессиональные жаргонизмы - это пласт профессионально ограниченной лексики и фразеологии с общей экспрессией; корпоративные жаргонизмы - это пласт корпоративно ограниченной лексики и фразеологии с пейоративной экспрессией, употребляемый вне сферы производственной деятельности. В первом случае имеются в виду социально-профессиональные группы, во втором - группы по интересам или занятиям вне производства /любители охотники и рыболовы, школьники, студенты и т.д./.

9. Арготизмы /кэнтизмы/ - это пласт лексики и фразеологии как правило эзотерический, мало известный за пределами той или иной антисоциальной "деятельности" с пейоративной и иногда вульгарной экспрессией. Следует отметить, что арготизмы помимо эзотерической функции /функции конспиративной коммуникации/ обладают функцией "пароля" - особым сигналом принадлежности к преступному миру.

10. Вульгаризмы - это слой лексики и фразеологии с вульгар-

ной /непристойной/ экспрессией и основной эмотивной функцией. Вслед за Блумфилдом можно выделить неприличные формы и непристойные формы выражения. К неприличным формам относятся все оскорбительные и бранные слова, а также грубые богохульства¹¹ проклятия, к непристойным формам - вульгаризмы - табу - нецензурные слова и словосочетания. Стоящие вне этических норм общества почти все вульгаризмы общеизвестны, но они не имеют ни социальной, ни профессиональной,¹² локальной ограниченности.

II. Компоненты просторечия как социальной речевой макро-системы можно представить в рамках пяти аспектов: /1/ социологического: 1а - лексико-фразеологический пласт. 1б - микросистема или разновидность просторечия; /2/ прагматического: 2а - группа по интересам, 2б - социально-профессиональная группа. 2в - антиобщественная /преступная/ группа; /3/ функционально-семантического: 3а - обиходно - бытовая лексика и фразеология, 3б - социально или профессионально детерминированная лексика и фразеология, 3в - эзотерическая лексика и фразеология; /4/ стилистического: 4а - ошая экспрессия, 4б - пейоративная экспрессия, 4в - непристойная /вульгарная/ экспрессия; /5/ основной функции: 5а - коммуникативная, 5б - эмотивная, 5в - эзотерическая и функция "пароля".

12. Дифференциальные признаки каждого компонента просторечия, представленные символическим набором в пункте II, позволяют рассмотреть сеть отношений и взаимозависимостей как между этими компонентами, так и между элементами просторечного вокабуляра, приведенными в пунктах 6-10. Сравнение наборов признаков дает возможность также проследить динамику движения просторечных элементов в различных компонентах просторечия, указанных в пунктах 2 и 3. В зависимости от сети связей и отношений, динамику движения просторечных элементов в рамках компонентов просторечия можно представить как¹³ объемную теоретическую модель просторечного вокабуляра и его иерархическую "лестницу".

"ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА" В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ

1. Общеизвестно, что в любом обществе современного мира, как это было и в прежние времена, сосуществуют различные социальные группы, которые характеризуются определенными субкультурами, или так называемыми контркультурами. Данные группы помимо субкультур имеют и используют различные жаргоны и арго. Жаргонизмы и аргоизмы этих групп представляют определенный интерес для социолингвиста, их фиксация и анализ, как нам представляется, необходимы для восстановления полной картины функционирования всех разновидностей живой разговорной речи в конкретных социальных условиях. Иначе картина использования языка будет далеко неполной и искаженной.

2. В зарубежной социолингвистике и лексикографии с давних времен фиксируются, описываются, анализируются почти все существующие, возникающие и иногда на сравнительно короткий срок получающие широкий узус, а затем исчезающие из употребления жаргонизмы и аргоизмы. В англоязычной лексикографии существует огромная литература по всевозможным жаргонам и арго. Можно говорить о эволюции просторечной, или нестандартной лексикографии, истоки которой относятся к 16 в. /см., например, Б.А.Хомяков, Обзор основных словарей английского просторечия. Часть 1./ /Лингвистические исследования 1987, №. 225-239 ; Обзор основных одноязычных словарей английского просторечия. Часть 2./ /Лингвистические исследования 1980, №. 211-223; О.В.Смирнова, История становления англоязычной просторечной лексикографии /XVI-XIX вв., АКД, Л., 1986/.

3. К сожалению, в отечественной социолингвистике фиксация и анализ жаргонизмов и аргоизмов уже давно находятся в "запретной зоне". Одним из последних научных публикаций может служить "Опыт исследования воровского языка" В.Тонкова /Казань, 1930./ Полностью отсутствуют словари солдатского жаргона обеих мировых войн и гражданской войны, жаргона тюрем и концлагерей, жаргонов неформалов, металлистов, панков и прочих молодежных сообществ, не говоря уже об арго современных воров, жуликов, проституток, рекетиров, других

антисоциальных групп. Никто не занимается полевой работой, сбором и классификацией такого социально детерминированного языкового материала.

4. В современной литературе, как художественной, так и документальной и публицистической, можно встретить множество таких жаргонизмов и арготизмов /см., например, Л.Габышев "Одлян, или Воздух свободы", Новый мир, №№ 6-7, С.Каледин "Стройбат", Новый мир, № 4, В.Щедров "Новая московская философия", Новый мир, № 1, В.Войнович "Путем взаимной переписки", Дружба народов, №1, В.Некрасов "Маленькая печальная повесть", Дружба народов, №5, Е.Богданов "Группа риска", Дружба народов, № 6-7, Г.Хохряков "Мафия в СССР: вымыслы, домыслы, факты", Юность, № 3, С.Дышев "Да воздастся...", Юность, № 3, и др./ . Это самые последние публикации /журналы за 1989 год/. Само собой разумеется, что многие жаргонизмы и арготизмы выходят из узуса, скажем, военные жаргонизмы "афганцев" /наливники, зеленка, вертушка, духи, душманы, царандои, черные тельпаны, бур, дурави и др./; иные военные жаргонизмы могут существовать долгое время /ср. дембеля, старлей, земля, хромачи, бабки, рассыпуха, ханка, дисбат, салабон, пахарь, пайка, самоволка, губа, губзрь, губон, зема, колотун, черняшка, биднейка, везуха, бухать, бухой, бытовка и т.д./ . Антисоциальные группы /преступные сообщества/ также факт нашей жизни, они пользуются различными видами арготизмов. К сожалению, никто из ученых лингвистов не собирает и не изучает арготизмов, хотя существуют неклассифицированно составленные "словники" арготизмов для "служебного пользования". В литературу проникли такие арготизмы как вор в законе, честный фрэер, сука, гуталин, кум, вослит, шмырь, бугор, шизо, трюм, шестерка, россомоха, мастырка, сичковать, вкальвать, фуганок, мильтон и т.д./ примеры взяты из очерка В.Аграновского "Вернутся ли дети?" - Аврора, № 2, 1989/.

5. В период гласности нас не должны пугать "запретные зоны" в исследовании всех разновидностей разговорной речи, включая и так называемые субкультуры /корпоративные и профессиональные жаргоны и арготизмы антисоциальных групп/.

Задача социолингвистики и социолексикографии - дать научную интерпретацию экстраязыковых и интраязыковых особенностей этих образований и составить специальные словари для дальнейшего изучения этой "запретной зоны".

Л. Е. Цыбина /Москва/

ВЛИЯНИЕ РОМАНСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ НА СТАНДАРТНУЮ И
СУБСТАНДАРТНУЮ ЛЕКСИКУ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В исследовании вслед за чешским лингвистом Л. Соудеком под стандартной лексикой понимается литературный язык, включающий лексику книжно-письменную / literary /, общую / common / и разговорную / colloquial /, под субстандартной - лексику, охватывающую сниженную разговорную лексику / low colloquial/, сленг /эквивалент понятия "общий" сленг / common slang/, жаргоны и аргю / cant /, а также вульгаризмы.

В американской лексикологической традиции последняя категория обычно включается в понятие специальный сленг / special slang /. В эндогlossной ситуации США доминирующее место занимает американский вариант литературного английского языка - SAE / Standard American English /, в то время как субстандартная лексика занимает периферийное положение в сетке эндогlossных отношений. Оказывая влияние на социальные подсистемы американского варианта английского языка / AE /, SAE, в то же время, не является непроницаемым для некоторых единиц, преимущественно лексических, проникающих в него из других социальных диалектов.

Интерес представляет анализ влияния романских языков в зависимости от степени их социальной престижности на стандартную лексику AE и субстандартную, представленную общим и специальным сленгом. В исследовании различаются "ранние" заимствования / XVI-XVIII вв./ и "поздние" / XIX-XX вв./.

Французский язык рассматривается как язык, являющийся одним из колониальных языков, испанский - как язык колониальный и как язык "новых" иммигрантов. Что касается итальянского языка, то он относится к чисто "иммигрантским" языкам.

Анализ романских лексических единиц показывает, что в силу социальной престижности французского языка в колониальный период и последующее время французские заимствования побиблиют литературный английский язык США. Среди ранних французских заимствований выделяются группы слов, обозначающих флору и фауну, а также отдельные географические понятия. Например, "prairie" - "прерия", "bayou" - "ручей, протекающий через заболоченную местность" и др. Среди поздних французских заимствований большим количеством представлена группа слов, относящихся к политике. Например, "Giscardian" - "сторонники политики Валери Жискар де Стена", "Elysée" - "правительство Франции". Только несколькими словами французского происхождения представлен американский сленг; "l'après-midi" - "конец, смерть", "parlor" - "служебный вагон в товарном поезде".

В отличие от французских заимствований большинство испанских заимствований, проникших в литературный язык, восходят ко времени колониального периода и затрагивают в основном традиционное обозначение флоры и фауны: "ranch" - "хижина", "posado" - "поселок", "brisa" - "холодный, морской ветер". Что касается заимствований из испаноязычных иммигрантов латиноамериканских стран, то они занимают приоритетное положение в американском сленге из-за социально-политического положения этой этнической группы США. Значительная часть испанизмов относится к наркотикам и деятельности контрабандистов, т.к. на протяжении длительного времени большие группы контрабандистов поставляли в США через американскую границу различные виды товаров, особенно наркотики. Например: "coca" - "название американского сыщика, полици", "dollar" - "американский доллар", "coffee" - "кофеин" и др.

Итальянская заимствованная лексика представлена познми заимствованиями. В отличие от испаноязычных иммигрантов, итальянцы успели в значительной степени подвергнуться процессу социальной и языковой ассимиляции. Наибольшим количеством в лексике представлены итальянизмы, обозначающие кулинарные изделия. Наиболее типичным путем расширения сети итальянских ресторанов и кафе являлось их пополнение за счет иммигрантов-

ной итальянской клиентуры. Вследствии консерватизма пищевых навыков итапо-американского населения и популярности итальянской кухни у американцев росла и сеть итальянских кафе и ресторанов. Американцы сначала подозрительно относились к острой итальянской кухне, постепенно они восприняли ее и даже восхищались. В языковом аспекте это явление выразилось в широком употреблении терминов, обозначающих кулинарию: "fettucine Alfredo" - "a dish made with fettucine /Italian noodles/, butter, cheese, black pepper and often heavy cream. From Italian fettucine all'Alfredo, named after Alfredo, the owner of a restaurant in Rome noted for this dish", "anti-pasto" - "her's d'oeuvre".

Еще одним источником пополнения послужило такое сугубо итальянское явление как "Мафия". На примерах этих лексических единиц, четко прослеживается процесс проникновения слов из периферийных участков языка /сленга/. Известно, что наибольшим инновационным потенциалом обладают группы, привлекающие к себе в тот или иной период особое внимание, даже если они являются представителями "контркультуры". Так, такие итальянизмы как "capo" - "глава мафии", "caporegime" - "член мафии", "don" - "лидер мафии", "omerta" - "закон круговой поруки" и др., сначала употреблялись в узком кругу итальянских иммигрантов, имевших отношение к мафии то есть являлись единицами специального сленга. Впоследствии подобные лексические единицы деспециализировать и стали общеизвестными. Первые годы расцвета мафии - время действия "сухого закона". После отмены этого закона мафиози открыли новые источники доходов: азартные игры, лотереи, ракет, продажа наркотиков, эксплуатация проституции и т.п. Отдельные лексические единицы итальянского происхождения, имеющие отношение к этим сферам деятельности мафии проникают в общий сленг. Например, "cona" - "проститутка", "Italian football" - "бомба, используемая рекетером", "piccolo player" - "хорошо оплачиваемая проститутка", "dago bomb" - "фейерверк" и др. Постепенно расширяется сфера деятельности мафии. Происходит успешное и достаточно быстрое вращение мафии в политическую структуру США. Впоследствии мафия успешно осво-

ила новую для себя сферу деятельности — банковское дело. Это способствовало внедрению мафии в экономическую жизнь страны. Средства массовой коммуникации в значительной мере содействовали популяризации гангстерского арго. О мафии было написано немало книг. Таким образом, итальянские лексические единицы, характерные сначала для специального сленга, затем частично перешедшие в общий сленг стали компонентами общего ядра сар-явились примером вертикальной мобильности языковых единиц.

Проведенный анализ влияния романских заимствований на стандартную и субстандартную лексику американского варианта английского языка еще раз убеждает в необходимости учета экстралингвистических факторов, которые не могут не оказать своего влияния на язык в силу самой социальности его природы, чуткости его ко всему, что определяет условия жизни общества и благодаря которым складывается дополнительная экстралингвистическая детерминация языкового развития.

В. И. Еганов /Калинин/

ЯЗЫКОВОЕ ОБЩЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

1. Важнейшим назначением языка является осуществление коммуникации. В основе коммуникации лежит передача информации. Продукт языковой коммуникации — текст. Именно текст представляет собой результат языковой деятельности человека, направленной на коммуникацию. Он непосредственно включен в коммуникативный акт и в силу этого характеризуется коммуникативной полнотой и социально-коммуникативной значимости. Это элемент, используемый в речевых и социальных системах в качестве каждый раз создаваемого заново орудия речевого воздействия и взаимодействия. Текст входит в целый ряд отношений как с отдельными компонентами коммуникативного акта, так и с отношениями между этими компонентами.
2. Языковое общение является одной из форм и сфер человеческой духовной деятельности, оно является одним из компонентов общественного сознания, отражающего условия и потребности соответствующего этапа развития

общественной практики людей. Языковое общение дает возможность наладить сложную и разнообразную социальную деятельность людей. При рассмотрении языкового общения следует особо обращать внимание на социальную обстановку, на личности говорящего /пишущего и слушающего/ читающего, на их коммуникативную компетенцию.

3. Социальное взаимодействие является другим процессом, тесно взаимосвязанным с речевым общением и представляющим собой одну из сторон коммуникации и интеракции. Оно непосредственно связано с наличием в обществе различных сфер и областей применения. К таким сферам можно отнести общегосударственную, региональную, местную, производственную, семейно-бытовую, ритуальную /ср. А.Д.Швейцер/. Другие сферы выделяет В.А.Аврорин: 1. /сфера хозяйственной деятельности, 2. /сфера общественно-политической деятельности, 3. /сфера быта, 4. /сфера массовой коммуникации, 5. /сфера науки и т.д. Каждая из сфер обладает только ей присущей спецификой, набором тех или иных языковых единиц.

Языковое общение и социальное взаимодействие, направленные на обмен информацией, протекают в постоянно изменяющихся и усложняющихся условиях.

Л.В.Юрина /Москва/

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ И РЕЧЕВОЙ НОРМЕ

1. Изучение языка в его функционировании, в его реальном употреблении предполагает исследование стабильных форм выражения смысла. Такой формой является норма языка. Подобный подход требует изучения языковой нормы не только как нормы системы, но и как нормы употребления, т.е. речевой нормы.

2. Проблема языковой нормы, несмотря на достаточную разработанность, остается по-прежнему в поле зрения отечественных и зарубежных лингвистов. Норма /norma/ в переводе с латинского означает руководящее начало, правило, образец. В этом значении используется во многих науках - философии, психологии, правоведении, социологии и других. Понятие правила, общепризнанного образца, стандарта лежит в определении нормы как лингвисти-

ческой категории. Существует разные подходы к определению языковой нормы. Одни лингвисты считают, что это правила отбора языковых средств, другие рассматривают норму как некую совокупность языковых средств, употребляющихся коллективом в конкретный исторический период, третьи видят выход в слиянии этих подходов и под нормой понимают и сами языковые средства, признаваемые обществом наиболее пригодными и предпочитаемыми, и правила их отбора для построения высказываний /текстов/. Положение о норме как совокупности языковых средств восходит к идеям Пражского лингвистического кружка. Эти идеи стали весьма популярны в отечественном языкознании, и результатом явилось то, что в течение многих десятилетий норма связывалась только с изучением литературного языка. Исследования языка с точки зрения его функционирования поставили вопрос о необходимости пересмотра понятия норма как исключительного атрибута литературного языка.

Высказываются предположения о существовании нормы вне пределов литературной речи. В частности, выделяется особая подсистема – разговорная речь, которая обладает своей нормой. Исследования устной речи показывают, что в отличие от литературной нормы, теоретически осознанной и кодифицированной, характеризующейся обязательностью и строгостью употребления, речевая норма принципиально не кодифицируема, отличается факультативностью употребления языковых средств.

3. Между литературной нормой и речевой нормой существует тесная взаимосвязь: литературная норма регламентирует речевую норму, но с другой стороны подвергается ее воздействию и претерпевает определенные изменения. Речевая норма является более динамичной и прогрессивной, чем литературная, которая отличается своей традиционностью и некоторым консерватизмом. Становление литературной нормы происходит медленнее, чем речевой. По сути дела речь, ее норма – это та среда, где формируются элементы языковой нормы.

4. Речевая норма связана с социально-коммуникативными системами и отражает стратификационную дифференциацию языка. При анализе речевой нормы необходимо учитывать социально-психологический аспект, в основе которого лежат обычные пред-

ставления о предписанном стандарте поведения людей, ожидаемо-го от них в соответствующих условиях.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<u>Аксельруд Д.А.</u> О функционально-семантическом анализе лингвистических единиц	1
<u>Асташатурьянц Н.В., Дубовский Е.А., Кучер А.В.</u> Экстралингвистическая обусловленность взаимодействия равноуровневых средств языка в английских диалогических единствах	2
<u>Брайджес Е.Н.</u> Некоторые особенности британского интержаргона	3
<u>Тинейджерс</u>	
<u>Боронович С.И.</u> Особенности просторечия как формы существования языка в современной Англии	5
<u>Бухаров В.М.</u> Фонетические нормы в системе современного немецкого национального языка	6
<u>Бороныч С.Б., Моисеева Е.А.</u> Звукоизобразительность и рифмуемость сленга	8
<u>Дегтяренко Г.И.</u> Постановка проблемы сленга в советском и зарубежном языкознании	10
<u>Добрынин С.В., Шехтман Н.А.</u> Американское просторечие в функционально-семантическом аспекте	12
<u>Доркин С.М.</u> К проблеме употребления терминов с измененной семантикой в газетно-публицистическом функциональном стиле	14
<u>Дубовский Е.А.</u> Установление критериев фоновариативной автономии в языке	16
<u>Дубовский Е.А., Митрофаненко Л.М.</u> Типологический аспект акцентуации аббревиатур	17
<u>Завражнова С.И.</u> Музыкальный словарь-тезаурус для широкого круга читателей	19
<u>Дубовский Е.А., Шаповал Л.Н.</u> Национально-специфический характер выражения имплицитного отрицания	20
<u>Иванова Г.Р.</u> Проблема устойчивости сленга	22
<u>Калаченко А.М.</u> Языковое отражение общественно-классовых отношений в современной Великобритании: иллокутивное предубеждение	24
<u>Коровухин В.Л.</u> Типологические черты военных жаргонизмов в английском, немецком и русском языках	26
<u>Коротких Е.Г.</u> Территориально маркированная лексика в коллоквиальном словаре	29
<u>Кухаренко Б.А.</u> Индивидуальная речевая система как отражение общезыковых, групповых и собственно индивидуальных характеристик	32
<u>Кучер А.В., Дубовский Е.А.</u> Просодия фамильно-разговорных речевых единиц	34
<u>Переяшкин В.Б.</u> Социальная роль языка как средство создания художественного образа	36
<u>Лизецкая В.Я.</u> Специфика отражения особенностей устной разговорной речи в английском драматургическом произведении	37
<u>Мильшин А.К.</u> Активные процессы номинации в русском языке новейшего периода	38
<u>Мостовой Н.И.</u> О фразеологии юмора	40
<u>Никulina Е.Л.</u> Функции сленга как компонента системы разговорной речи	42

- Понсмаренко Л.А. Викторианство и субстандартный вариант английского языка . . . 40
- Рясов Г.И. Проблема стилистической дифференциации экики . . . 40
- Себенко С.А. О некоторых модально-стилистических разновидностях побудительного высказывания " в современном английском языке . . . 41
- Сидоренко Т.А. Ономастологическое поле "Качественная оценка лица" в американском просторечии . . . 41
- Смирнов Л.И. О месте литературного идиома в стратификационных моделях национального языка . . . 41
- Смирнова С.В. Профессиональные и корпоративные жаргонизмы в плане диакризии . . . 42
- Стрекалов В.А. Английские глагольные речения /ГДБ/ в социолингвистическом аспекте . . . 42
- Сусов И.И. Говорящая личность в лингвосоциальном и лингво-прагматическом пространствах . . . 42
- Толстикова Л.В. О восном жаргоне "афганцев" . . . 42
- Трушкин В.И. Лингвострановедение на современном этапе: проблемы и задачи . . . 42
- Андракевич С.С., Черемных В.И., Кесальман И.С. Варианты словозначительных форм глагола и некоторые закономерности их функционирования . . . 42
- Хидешели Н.И. Редупликация в американском просторечии . . . 42
- Хомяков В.А. Компонент просторечия как социальной речевой макросистемы . . . 42
- Хомяков В.А., Смирнова С.В. "Запретная зона" в отечественной социалингвистике . . . 42
- Цыбина Л.Ю. Влияние романских заимствований на стандартную и субстандартную лексику американского варианта английского языка . . . 42
- Цыганов В.И. Языковое общение и социальное взаимодействие . . . 42
- Цыбина Л.Ю. К вопросу о языковой и речевой норме . . . 42